

«МИР, В КОТОРОМ Я ХОЧУ ЖИТЬ»

Диана Эверли

Диана Эверли

Мир, в котором я хочу жить

<https://litres.ru/74681273>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти родителей шестнадцатилетний Вова и его младшая сестра Аня оказываются в мире, где реки замерзают на глазах, драконы выбирают себе друзей, а магии учат за дверью обычного дома. Здесь можно начать заново - если удастся понять чужие правила.

Школа «Золотой лев» обещает им кров и защиту. Но в учебниках исчезают страницы, люди пропадают по официальным приказам, а в школьных перчатках обнаруживается нить, которой там быть не должно. Когда опасная встреча оставляет Вове метку, он обретает дар видеть скрытые связи. И слишком поздно замечает, что за каждым его шагом теперь могут наблюдать.

Вместе с сестрой, уличным другом Женей и драконом Огоньком ему предстоит пройти через войну двух королевств и раскрыть замысел человека, который обещает всем безопасность. Цена его идеального мира — чужая воля.

Вова мечтал найти место, где больше не придётся терять близких. Теперь ему нужно решить, чем он готов пожертвовать, чтобы у тех, кого он любит, осталось право выбирать собственную жизнь.

Диана Эверли

Мир, в котором я хочу жить

Глава 1 Последний свет в окне

После похорон в прихожей осталась одна отцовская перчатка. Вторую Вова так и не нашёл. Он проверил карманы пальто, заглянул под обувную полку, зачем-то вытащил из розетки сушилку, хотя перчатка никак не могла оказаться внутри. Потом поставил её обратно. К вечеру нужно было закончить с вещами.

За кухонной стеной звякнула ложка. Аня третий раз за день разогревала суп, который принесла соседка. Она ставила кастрюлю на плиту, дожидалась первых пузырей и выключала огонь. Есть они оба не хотели.

— Ты паспорт нашёл? — спросила она.

Вова дёрнул молнию рюкзака. Паспорт лежал во внутреннем кармане, рядом со справкой из школы и свидетельством Ани о рождении. Женщина из опеки объяснила, какие документы надо взять. Разговаривала она спокойно, по делу, и от этого Вове казалось, будто всё ещё можно исправить: просто принести недостающую бумагу, поставить печать, дождаться решения. Он даже записал номер телефона. В телефоне давно сел аккумулятор.

— Нашёл.

— Мой тоже?

— Да.

Аня вышла из кухни. Волосы она собрала в неровный хвост; одна прядь прилипла к щеке. На ней была мамина старая кофта, слишком широкая в плечах. Прежде Аня надевала её, когда болела и хотела, чтобы ей принесли чай в постель. Теперь носила постоянно.

— Завтра нас вместе повезут?

— Я же говорил, вместе.

— Ты говорил, что согласишься.

Вова перестал застёгивать рюкзак.

Утром ему действительно казалось, что он спросил. Женщина говорила о временном центре, о поиске родственников, о комиссии, а он смотрел на белый ворс, прилипший к её рукаву. Думал, что мама всегда собирала такой ворс влажной ладонью, перед тем как они выходили из дома. Номер он записал, а самого главного, выходит, не спросил.

— Я позвоню.

Аня посмотрела на тёмный экран у него в руке.

— Зарядку я положила возле кровати.

— Знаю.

Он сказал это резче, чем хотел. Сестра вернулась на кухню. Теперь она уже не звякала ложкой.

На письменном столе стояла фотография, которую никто не любил. Отец на ней моргнул, Аня держала ладонь перед лицом, а мама смеялась над тем, что Вова опять отвернулся от камеры. Снимал их какой-то прохожий на набережной,

когда Вова исполнилось тринадцать. В тот день они опоздали на экскурсионный катер и вместо поездки купили огромный арбуз. Нож забыли дома, пришлось разбивать его о парапет в пакете, и отец потом целую неделю вычищал семечки из кармана куртки.

Вова вынул фотографию из рамки. Стекло холодило пальцы.

Он старался думать именно о том дне, но между ним и набережной стояли последние месяцы. Мамино лекарство в пластиковом стаканчике. Отцовская небритая щека. Резиновый коврик в больничном лифте, с вытертой чёрной полосой посередине. Голос врача, который попросил их присесть.

Сначала болезнь занимала только часть их жизни. Вечера у маминой кровати, анализы, которые ещё предстояло сдать, деньги, которые можно было занять. Потом для всего остального места почти не осталось. Отец перестал ругаться из-за Вовиных оценок. Это пугало сильнее ругани.

После маминой смерти он начал выпивать. Не каждый день, как объяснял сам себе Вова, будто промежутки что-то меняли. Иногда отец готовил завтрак и ехал на работу. Иногда сидел в ванной при выключенном свете. Вова злился на него, а потом злился на себя за эту злость. Аня по вечерам оставляла в коридоре ночник: отец мог вернуться поздно и споткнуться.

В последний вечер они поссорились из-за ключей от машины.

Вова запомнил каждую мелочь и всё равно не был уверен в собственных словах. Он стоял у двери. Отец пытался просунуть руку мимо него к полке. От отцовской куртки пахло холодом и спиртным.

«Ты даже ради нас не можешь», — сказал Вова.

Или: «Тебе на нас всё равно».

Эта разница стала для него мучительной. Первые слова можно было бы простить. Вторые он слышал теперь каждую ночь.

Машину нашли возле съезда с объездной. Человек, который пришёл сообщить об аварии, снял обувь у порога и потом долго не мог попасть ногой в собственный ботинок. Вова почему-то помог ему. Аня стояла в маминой кофте, прижимая к животу обе ладони.

С тех пор брат с сестрой почти не разговаривали об отце. О маме иногда получалось: вспомнить, как она пересаливала рис, как жаловалась на почерк учителей. Про отца Вова мог говорить только «надо было».

Надо было спрятать ключи раньше.

Надо было позвать соседа.

Надо было не произносить последних слов.

Он положил фотографию в книгу, потом передумал и сунул между страницами блокнота. Книг братья разрешили немного. Вова выбрал справочник по ремонту велосипеда, хотя велосипеда у него больше не было: пришлось продать ещё весной. Поставил справочник обратно.

На столе лежал медный браслет. Мамина вещь — тонкая полоска металла с неровным швом, без камней и надписей. Мама носила его в молодости, а Вове отдала после того дня на набережной. Браслет всё время расстёгивался. Отец собирался починить замок.

Вова надел его и сжал застёжку плоскогубцами.

— Будешь чай? — спросила из кухни Аня.

Он пошёл к ней.

На столе стояли две чашки и третья, мамина, с отколотой ручкой. Аня посмотрела на неё, будто чашка появилась сама, и убрала в раковину.

— Извини, — сказал Вова.

— За что?

— Я не спросил про завтра.

Она пододвинула ему хлеб. На краю ломтика лежал кусочек масла: Аня ещё помнила, что он не любит есть сухой хлеб, хотя сейчас ему было всё равно.

— Я сама спрошу. Когда она придёт.

— Я тоже могу.

— Можешь. Только не говори, что уже всё сделал.

От этих слов стало больше, чем от крика. Вова начал отрывать хлеб маленькими кусочками. Хотел объяснить, что старается, что ему шестнадцать и он тоже не знает, как правильно собирать чужую жизнь в два рюкзака. Но Аня знала его возраст. Ей самой было четырнадцать, и утешать его вместо матери она не обязана.

— Хорошо, — сказал он.

Они пили чай, пока за окном гасли окна соседнего дома.

Потом Аня спросила:

— Как думаешь, там можно будет оставить свет?

— Где?

— Ну... куда нас повезут.

Раньше Вова обязательно поддел бы её за ночник. Теперь он посмотрел на её руки. Кожа возле ногтей была обкушена до красноты.

— Узнаем.

Аня кивнула. Этот ответ, по крайней мере, был правдой.

* * *

Ночью Вова проснулся от шума воды.

Сначала решил, что Аня опять включила кран. Она часто умывалась, когда не могла заснуть. Но звук доносился с улицы — ровный плеск, как возле речного причала. Вова встал. Пол под ногами оказался холоднее обычного. Он натянул джинсы, сунул ноги в ботинки и накинул куртку, собираясь проверить, не прорвало ли трубу во дворе.

В окне отражалась его комната. Стол, разобранный кровать, рюкзак у стула. Только за стеклом не было соседнего дома. Там лежала вода, густая, тёмная, с дорожкой далёких огней. По этой воде медленно шёл снег.

Вова не сразу испугался. Сны после похорон были странные: в них мама искала проездной, отец возвращался с пакетом молока и сердился, что ему никто не открывает. Это

казалось ещё одним сном, из которого будет тяжело выбираться утром.

— Ты хочешь, чтобы твоя жизнь обрела смысл?

Голос прозвучал близко, однако в оконном отражении никого не прибавилось. Мужской, спокойный. Вова подумал о человеке из полиции, который так же осторожно произносил слова, прежде чем назвать отцовское имя.

— Кто здесь?

На воде дрогнул свет.

— Ты можешь оказаться там, где от тебя многое зависит.

Вова ухватился за подоконник. Краска под пальцами была шершавой, знакомой. Он помнил, как отец красил окно, а Аня пыталась провести кистью тайную букву на нижней раме. Буква так и осталась.

— А сестра?

— Рядом с тобой.

— Она должна сама...

Он замолчал: из коридора донеслись шаги.

Аня стояла в дверях, обхватив себя за локти. Вова не видел, когда она пришла. У неё за спиной продолжался коридор, но вместо кухонной двери в конце качался подвешенный фонарь.

— Ты тоже слышал? — спросила она.

Он кивнул.

— Он сказал, что там можно всё начать заново.

Вова посмотрел на окно. Под тёмной водой словно двига-

лись широкие ступени. Ничего подобного он никогда не видел, и всё же в нём поднялось узнавание: так бывает, когда после долгой дороги выходишь к своему подъезду.

Он хотел вернуть это чувство. Хотя бы на минуту.

— Это сон, — сказал Вова.

— Я знаю.

Аня протянула руку, и он взял её ладонь. Она была тёплой и чуть влажной. Сестра держала его крепче, чем он ожидал.

— Если пойдём, вместе, — сказала она.

Голос спросил снова. Теперь в нём слышалось нетерпение, очень слабое, но Вова всё-таки его заметил. Взрослые всегда торопились после того, как позволяли тебе решить самому.

Он должен был спросить, куда их зовут. Что значит «зависит». Смогут ли они вернуться утром. Вместо этого посмотрел на рюкзак у стула и ощутил усталость, которой прежде не знал: от каждой бумаги, от каждой попытки сказать сестре, что всё будет хорошо.

— Да, — ответил Вова.

Аня шагнула первой.

Подоконник оказался так низко, словно всю жизнь был порогом. За ним поднялась вода, однако ботинки Вовы остались сухими. Он услышал короткий звон, будто в другой комнате уронили медную монету.

Впереди загорелся утренний свет.

Глава 2 Деньги другого короля

Копыто ударило по камню возле самой Вовиной руки.

Кто-то рванул его за ворот, и Вова проехал спиной по мокрым плитам. Там, где только что лежала его голова, прокатилось колесо. Телега дребезжала так сильно, что ящики в кузове подпрыгивали; из одного торчали ветви, покрытые белыми листьями.

— Под ноги смотри! — крикнул возчик.

Откуда-то справа ответили:

— Это ты по людям ездешь!

Вова попытался сесть. На ладони осталась ссадина, в которой блестела чёрная грязь. Боль была настоящей. Он растёр пальцы и только тогда увидел Аню: она сидела возле каменной тумбы, держа его за куртку.

— Ты чуть под лошадь не попал.

— Где мы?

Аня отрицательно покачала головой.

Улица поднималась к мосту. Над мостом стояла башня с часами без циферблата: за решёткой медленно поворачивался широкий серебряный диск. От него падали полосы света на дома. У большинства домов первые этажи выступали над тротуаром, подпёртые деревянными столбами; на столбах висели жестяные вывески. Сапог. Ключ. Рыба с человеческим глазом.

Вова искал хоть что-нибудь знакомое. Антенну, провод, белый номер на фасаде. Телефон торчал у него из кармана джинсов, будто он собирался всего лишь отнести его на зарядку. Экран оставался чёрным.

Рюкзаков с ними не было.

Он пересчитал содержимое карманов: две купюры по сто рублей, ключ от квартиры, мелочь, колода карт в вытертой коробке. Карты он сунул туда вечером, когда освобождал ящик. Ключ немного согнулся. На руке был медный браслет. Аня стояла босиком в шерстяных носках и маминой кофте.

— Ты обула что-нибудь? — глупо спросил Вова.

Она молча подняла ногу. Носок снизу уже пропитался грязью.

Над крышами пролетела стая птиц. Вова проводил их взглядом и перестал дышать: вместо хвостов за каждой тянулись тонкие прозрачные ленты, переплетаясь между собой. Одна птица села на край водостока. Лента у неё медленно свернулась в спираль.

— Мы ещё спим, — произнесла Аня.

Вова спрятал поцарапанную ладонь.

— Может быть.

Им навстречу шла женщина с корзиной. Из корзины торчала звериная морда — узкая, тёмная, с раздвоенным носом. Зверёк вцепился лапами в край плетения и посмотрел прямо на Вову.

— Извините, — начал он. — Не подскажите...

Женщина прижала корзину к боку и обошла их. Вова огляделся. Прохожие тоже начали обходить, почти не меняя выражения лиц. На них смотрели как на неприятную, но привычную помеху — сломанную повозку, лужу под окном.

Сначала нужно было найти обувь для Ани. Потом выяснить, что происходит. Он выбрал ближайшую лавку — яблоки в деревянных лотках, весы и толстую свечу под стеклом. Продавец пересыпал мелкие плоды из одного ящика в другой.

— Доброе утро. Как называется этот город?

Мужчина не поднял головы.

— Для тебя закрыто.

— Мы ничего не...

— Я вижу. Поэтому и закрыто.

Вова положил на прилавок сто рублей.

— Можно два яблока? И скажите, пожалуйста, где здесь полиция.

Продавец перестал перебирать плоды. Взял купюру за уголок, развернул к свету. Вова уже почувствовал облегчение: деньги работают, значит, всё можно объяснить. Но мужчина провёл ногтем по бумаге и засмеялся.

— Красиво рисуешь.

— Это настоящие деньги.

— Угу. Чьего короля?

— Тут нет короля.

Аня сжала его рукав. Мужчина положил купюру обратно, теперь без смеха.

— Дальше такое лучше не говори. Стража шуток не понимает.

Вова убрал деньги. На другом конце улицы показались

двое в одинаковых серых плащах. Один нёс короткую палку с железным утолщением. Второй шёл вдоль лавок, проверяя бумажки на дверных косяках.

— Где мы? — ещё раз спросил Вова, тише.

Продавец посмотрел на Анины ноги.

— В Белоречье. Не мешай торговать.

Он отвернулся к покупателю. Вова подождал, надеясь, что после продажи мужчина продолжит разговор, но тот нарочно заговорил громче о ранних заморозках. Аня потянула брата прочь.

— Пойдём.

Они отошли к стене. Здесь ветер почти не доставал, и можно было стоять, не мешая телегам. Аня опустилась на каменную ступеньку и начала выжимать край носка.

— Почему ты сказал ему про полицию?

— А что я должен был сказать?

— Не знаю. Но он испугался.

— Он смеялся.

— Потом испугался.

Вова прислонился затылком к стене. Он пытался вспомнить слово, которое произносил голос ночью. Было ли там «навсегда»? Голос обещал смысл. Или жизнь? Аня слышала что-то другое — про возможность начать заново. Если это был сон, они должны были видеть разное. Если нет...

Он потер запястье над браслетом. На медь попала грязь из ссадины.

— Ты помнишь, как мы вышли? — спросил Вова.

— В окно.

— Я тоже.

— Надо найти такое же.

Он посмотрел на окна ближайшего дома. За одним женщиной встряхивала скатерть. Крошки посыпались на спину облезлой собаки, и та лениво передвинулась в тень.

— Наверное.

Своё окно он узнал бы из тысячи. Буква под краской, царапина возле шпингалета. Но этих вещей здесь не было. Вова не мог даже определить, в какой стороне должен находиться их дом.

У Ани посинели пальцы ног.

Он снял куртку и положил её на колени.

— Я посмотрю за углом. Там, кажется, сапожник.

— Я с тобой.

— Сиди здесь, я быстро.

Аня поднялась, уронив куртку на землю.

— Мы договорились вместе.

Он хотел сказать, что отойдёт всего на двадцать метров, но сестра уже наклонилась за курткой. Вова забрал её и промолчал. До сапожника они дошли вдвоём, и вдвоём простояли у закрытой двери, пока человек из соседней лавки не объяснил, что хозяина призвали в обоз. Никто не знал, вернётся ли он этой зимой.

* * *

К полудню Белоречье перестало казаться Воле красивым.

У моста он заметил женщину, укачивающую пустое одеяло. На прилавке медника стояла коробка для пожертвований фронту. Возле башни стражники проверяли руки у людей, входящих в крытые ворота, и иногда уводили кого-то в боковую дверь. Серебряный диск над их головами повернулся; по камням проползла полоса света. Аня невольно переступила, чтобы полоса не коснулась её ступней.

Они нашли общественный колодец. Воду пришлось вытаскивать длинным рычагом; Вова долго не мог понять, как закрепить ведро, и пожилая женщина раздражённо показала ему крючок. Пить он дал сначала Ане. Потом плеснул на садину, и ладонь обожгло.

— Вот теперь ты знаешь, что не спишь, — сказала сестра.

Он посмотрел на неё. Аня старалась улыбнуться, однако губы дрожали от холода.

В соседнем переулке оказалось меньше людей. Между домами сохло бельё, из открытых дверей пахло варёной рыбой. На крыльце мальчишка чистил ножом ракушки. Увидев незнакомцев, он прикрыл ладонью кучку медных кружков.

— Нам ничего не надо, — сказал Вова.

Мальчишка сунул кружки в карман.

— Тогда проходи.

Над дверью дальше по переулку висела вывеска «Рыбья чешуя». Синяя рыба была нарисована на облупившейся доске. Кто-то приделал ей из жестянки отдельную чешуйку; та

трепетала от сквозняка и позвякивала о стену.

Аня остановилась.

— Там тепло.

Из приоткрытой двери действительно тянуло жаром. За мутным окном двигался человек, переставляя стулья. Вова дотронулся до кармана, где лежали бесполезные купюры, и вдруг отчётливо понял: сейчас им откажут ещё раз. Он уже придумывал, что сказать после отказа. Предложить убрать посуду. Вымыть пол. Спросить хотя бы про старую обувь.

Дверь распахнулась сама. На крыльцо вышла женщина с пустой корзиной, и Аня не успела отступить. Женщина посмотрела сначала ей в лицо, потом на ноги.

— Так, — сказала она. — Заходите.

— Мы...

— Осторожнее с порогом, там гвоздь.

Вова поднял сестру за локоть через ступеньку. Внутри пахло хлебом, дымом и мокрой шерстью. На лавке возле печи лежала сложенная попона. Женщина вытряхнула её, посадила Аню и поставила перед ней таз.

— Носки снимай. Постепенно грейся, сразу к огню не надо.

— Мы не сможем заплатить, — выпалил Вова.

Женщина обернулась. Он ожидал, что она заберёт таз.

— Ты сначала дверь закрой. Мне улицу топить дорого.

Он закрыл дверь.

В дальнем углу мужчина в сером жилете ел суп. У окна

двое торговцев спорили над тканевым свёртком. Никто особенно не смотрел на Аню; никто не требовал, чтобы она объяснила своё появление. Женщина принесла вторую ложку и две миски.

— Катя, — сказала она, ставя еду на стол. — Если понадобится что-нибудь, зови меня. Тебя как?

— Аня. А это мой брат.

— Вова.

Катя кивнула и подвинула ему хлеб. Вова взял кусок, но не стал есть: у него неожиданно свело горло. Он смотрел, как сестра держит миску обеими руками и дует на суп. Только теперь Аня позволила себе зажмуриться.

На стене над ней висела картина. На картине рыжая кошка с раздвоенным хвостом грела лапы у окна. Художник провёл по её спине золотой краской, и от движения настоящего огня в печи казалось, будто кошачья шерсть горит.

Вова опустил глаза. Еда остывала. Снаружи жестяная чешуйка продолжала стучать о вывеску, отсчитывая чужой, незнакомый ему день.

Глава 3 Рыбья чешуя

Башмаки оказались разными. У левого была круглая пряжка, у правого — медный крючок, а подошва чуть толще. Катя поставила их возле печи и опустилась на корточки рядом с Аней.

— Примерь. Если пятка будет ходить, набьём тряпкой.

— Это ваши?

— Остались после постоялицы. Она уехала к сестре и забыла узел с вещами. Я хранила, потом написала по адресу, а дом там уже разобрали. Второй год лежат.

Аня провела пальцем по потрескавшейся коже. Обувь была ей велика, но не настолько, как испугался Вова. Катя свернула две полоски ткани, показала, как уложить их над пяточной, и вернулась за стойку. Делать всё это она успевала между заказами, будто брат с сестрой были ещё одним делом в длинном утреннем списке.

Они присидели у печи до вечера. Вова несколько раз помогал отнести пустые миски. На третий Катя протянула ему полотенце.

— Если хочешь работать, вытирай. Только тарелки насухо, иначе останутся разводы.

Он взялся за полотенце с таким облегчением, что чуть не уронил первую миску. За работу можно было держаться. Стало ясно, куда поставить руки, что сделать через минуту. Его полезность была видна хотя бы в стопке посуды.

Аня уснула сидя. Голова склонилась на плечо, ладонь всё ещё держала край попоны. Катя поставила возле неё кружку воды и махнула Вове за стойку.

— Ночевать вам где?

Он потёр полотенцем уже сухую тарелку.

— Мы ищем.

— Родные в городе есть?

— Нет.

Катя подождала.

Вова оглянулся на сестру. Стоило произнести вслух хоть часть случившегося, и они могли оказаться на улице. Или у людей в серых плащах, которые проверяли руки возле моста. Он уже приготовился сказать, что они потерялись на дороге и не помнят названия деревни, но Катя за день успела заметить слишком многое.

— У нас дома не было короля, — сказал он наконец.

Она перестала складывать полотенца.

— Ясно.

— Нет, вы не поняли. Мы... из другого места. Совсем другого. Там были машины, электричество. Сестра слышала голос, и я тоже. Потом...

— Тише.

Катя положила руку ему на запястье. Вова отдёргнул её, прежде чем понял, что она смотрит на дальний стол. Мужчина в сером жилете доел суп, однако так и не ушёл. Теперь он медленно разворачивал лист бумаги.

— Последнюю тарелку поставь внизу, — громко сказала Катя. — Остальное утром.

Она подошла к мужчине и спросила, не принести ли горячей воды. Тот отказался, надел шляпу и оставил монету, не дождавшись сдачи. Катя закрыла за ним дверь на засов. Только после этого разрешила Вове продолжить.

Он достал деньги. Разложил на стойке рублёвую мелочь, обе купюры и ключ. Катя не коснулась ничего, кроме одной

монеты. Повертела, рассматривая двуглавую птицу.

— Бабушка сказала бы, что вас принесла гроза.

— Мы никуда не ехали. Я был дома.

— Она тоже говорила, что тот человек ниоткуда не шёл.

Вова поднял голову.

Катя заперла ящик с выручкой. Вынула из связки маленький ключ и открыла узкий шкафчик возле окна. Там хранились счета, пучок сухих цветов и овальная жестяная коробочка. Из коробочки она достала потемневший круг, по размеру меньше рубля.

На круге была цифра. Три буквы Вова прочёл сразу, потом повернул монету: «коп». Возле края кто-то сделал четыре глубокие насечки.

— Откуда у вас это?

— Бабушка получила, когда работала у восточных ворот. Ей тогда было девять. Человек вышел из пустого проулка. Одежда промокла, а на мостовой ни лужи. Он хотел купить хлеб.

Вова положил рядом собственную монету. Металл отличался, рисунок тоже, но буквы принадлежали одному алфавиту. Он ощутил такую надежду, что пришлось держаться за край стойки.

— Он вернулся?

Катя долго не отвечала.

— Бабушка потом его не видела.

— Но он мог?

— Не знаю.

— А она где живёт? Ваша бабушка?

— Умерла три года назад. Ей было сто двенадцать.

Вова отнял руку от стойки. Сто двенадцать. Значит, человеку с монетой не меньше ста лет. Даже если он нашёл путь обратно, спросить о нём не получится. Вова посмотрел на четыре насечки. Кто-то сделал их намеренно, одну за другой, почти на одинаковом расстоянии. Для чего монету царапают четырежды?

— В учебниках про пришельца есть, — сказала Катя. — Не знаю, про того ли самого. Моя бабушка до конца жизни терпеть не могла учёных людей. Говорила, ей каждый год рассказывали другую историю о том дне.

— Мы можем прочитать?

— Можем найти, у кого спросить. Завтра.

Он хотел возразить: почему завтра, почему опять надо ждать, когда прямо сейчас Аня спит в чужих башмаках и они даже не знают названия страны? Но Катя вдруг сняла фартук, и Вова увидел, как тяжело она распрямляет спину. За весь день он ни разу не заметил, чтобы хозяйка села.

— Вам надо наверх, — сказала она. — Там комната пустует. Брать деньги не буду. За работу тоже пока не торгуемся. Сначала выпитесь.

— Я могу...

— Можешь разбудить сестру. По лестнице не торопитесь, третья ступень шатается.

* * *

Комната выходила во двор, где под навесом хранили дрова. Две узкие кровати стояли по разным сторонам стола. На стене темнел прямоугольник выцветших обоев — там прежде висела картина или зеркало. Аня сразу подошла к окну, потрогала раму, попробовала отодвинуть задвижку.

— Не оно, — сказала она.

Вова поставил на стол свечу.

— Катя знает про другого человека. Он тоже... оттуда.

Аня обернулась. Её лицо на мгновение осветилось, и он понял, что сейчас придётся отнять у неё ту же надежду, которую только что отняли у него.

— Это было давно, — добавил он. — Сто лет назад.

Сестра села на кровать. Сняла башмаки, поставила ровно под стулом и долго расправляла пальцы ног.

— Значит, утром мы там не проснёмся?

— Я не знаю.

— Думаешь, нас ищут?

Вова представил квартиру. Женщина из опеки приходит в назначенный час, стучит, звонит ему. Соседка приносит вчерашнюю кастрюлю. На столе остаются рюкзаки, собранные документы. Они исчезли, и это было ещё одно несчастье, которое придётся объяснять живым людям.

До сих пор он почти не думал об этом. Город заслонял всё: копыто возле ладони, странные птицы, чужие деньги. Теперь ему стало стыдно за то, как обрадовался возможности ока-

заться полезным в другом месте.

— Наверное, ищут, — ответил он.

Аня стянула резинку с волос. На маминой кофте одна пуговица висела на тонкой нити; сестра обмотала нить вокруг пальца.

— Я не хотела, чтобы они волновались.

— Я тоже.

За стеной кто-то передвигал стул. По двору прошёл человек с ведром, остановился у дров, вылил воду на землю. Обычные вечерние звуки, которые могли бы быть и дома, если не прислушиваться.

Аня легла, не раздеваясь.

— Он сказал, что можно начать заново. Я подумала, мама будет...

Она не закончила. Вова сел рядом на край кровати.

— Я тоже так подумал.

На самом деле голос не обещал ему маму. Но возможность казалась такой очевидной, что он даже не спросил. Он искал подвох в словах продавца и не заметил его там, где следовало насторожиться раньше всего.

Аня закрыла лицо ладонью. Вова положил руку ей на плечо, потом хотел убрать: вдруг ей неприятно. Сестра сама придвинулась ближе.

Внизу Катя погасила свет в зале. Полоса под дверью стала узкой и жёлтой, затем исчезла. Вова поднялся, открыл дверь на ладонь и увидел на площадке маленький фонарь. Хозяйка

оставила его для них, хотя о ночнике никто не спрашивал.

Он снова сел рядом с Аней. Они долго молчали. За окном поднялся ветер, и жестяная чешуйка начала стучать чаще.

Глава 4 Хлеб на троих

Утром Катя нарисовала им карту. Сначала на листе появились река и два моста, затем площадь с башней. Вова заметил, что хозяйка обозначила всего несколько улиц, оставив большую часть города пустой.

— Здесь не ходите, — сказала она и заштриховала склон возле крепостной стены. — По ночам там разгружают обозы. Днём пропускают только с жетоном. Здесь рынок, здесь колодец. Если потеряетесь, спрашивайте Рыбий спуск.

— А замок? — спросила Аня.

— На другом берегу. Дмитрий Первый уехал к северным полкам, сейчас приказы подписывает канцелярия.

— Первый — это фамилия?

Катя подняла глаза, потом всё-таки улыбнулась.

— Это значит, раньше королей Дмитриев у нас не было.

За завтраком она объяснила ещё несколько вещей, которые казались ей само собой разумеющимися. Фауной называлась страна, Белоречьем — её столица. Земли за Сухой переправой принадлежали Флоре, где росли сады, способные сами выбирать себе хозяев. Война то затихала, то начиналась снова. Катя родилась во время перемирия; её младший брат успел вырасти, стать возчиком и пропасть в первый же год нового наступления. Об этом она сказала быстро и сразу

вернулась к карте.

— Если предложат поставить метку ради свободного прохода, не соглашайтесь. Сначала приведите человека ко мне.

— Какую метку?

Катя коснулась тыльной стороны ладони.

— Здесь. У обозников бывает, у работников дворца. С чужими руками никто без свидетелей ничего делать не должен.

Вова записал это на обороте карты. Бумага пошла волнами от чернил: он слишком сильно нажимал на перо. Пользоваться перьевой ручкой раньше приходилось только на уроке, ради шутки.

— А работа здесь есть? — спросил он.

— На кухне можете помочь. Но я не смогу кормить вас за две вытертые миски весь год. Лучше сказать честно сразу.

Аня выпрямилась.

— Мы умеем и другое.

— Уверена. Потому и покажу место, где можно поискать заказ. Только покажете мне бумагу, прежде чем за него браться. Договорились?

Вова кивнул. Он хотел найти библиотеку и человека, который знает о переходах, однако спросить стеснялся: после супа и комнаты любая новая просьба казалась лишней. Катя заметила, как он разглядывает старую монету, и сама достала ещё один лист.

— Письмо переписчику отнесёте по пути. Он знает, какие книги дают без залога. На конверте имя — Тимофей. Вер-

нётся после полудня, раньше стучаться бесполезно.

Она дала им немного денег на еду, объяснила разницу между медным грошом и серебряной маркой. Вова пересчитал монеты дважды, запомнил каждую и пообещал вернуть.

— Купите что-нибудь, — сказала Катя. — Долгами после займёмся.

На улице пахло вчерашней рыбой и сырым деревом. Вова держал карту развёрнутой, сверяя каждый поворот. Аня отстала возле лотка с пряниками: на длинных палочках были вылеплены звери, которых она пока не умела называть. Продавщица позволила посмотреть, однако не дала ни одного потрогать.

У булочной хлопнула дверь.

— Держи его!

Вова обернулся слишком поздно. Худой парень налетел ему на плечо, отскочил, прижал к груди буханку. Из рукава высунулась тонкая кисть; на запястье выступал старый шрам. Парень глянул в лицо Вова, будто прикидывая, понадобится ли толкнуть ещё раз, и нырнул в узкий проход между лавками.

Следом выбежал булочник. Он был в мучном фартуке, без шапки; на правой ноге сапог остался расстёгнутым.

— Чёрный, в заплатах, куда побежал?

Вова непроизвольно посмотрел на проход. Аня, не дав ему заговорить, указала в сторону моста.

— Туда.

Булочник выругался и побежал, прихрамывая на расстёгнутую ногу. Вова дождался, пока он скроется за телегой, затем повернулся к сестре.

— Зачем?

Она пожала плечами.

— У него хлеб. Он есть хотел.

— А если он...

Вова не смог придумать, что ещё с буханкой мог делать парень. Зато подумал о деньгах, которых не хватает Кате, и о том, что булочник тоже за муку платит. Правильного решения у него не было. Аня уже шла к проходу.

За лавками хранились пустые бочки. Парень сидел между ними, придерживая рот ладонью, чтобы не слышали тяжёлого дыхания. Увидев Аню, он поднялся. Хлеб спрятать не успел.

— Спасибо, — сказал он.

— Как тебя зовут?

— А тебе зачем?

— Меня Аня. Это Вова.

Парень посмотрел на карту в Вовиной руке и на слишком большую обувь Ани.

— Вы откуда такие?

— Издалека, — ответил Вова. — Хлеб верни.

— Как же. Сейчас.

Парень попробовал обойти их, но Вова не сдвинулся. У того потемнело лицо; буханку он крепче прижал к боку.

Драться здесь, между бочками, ему явно доводилось, и уступать только потому, что его вежливо попросили, он не соби-
рался.

— Мы можем заплатить, — быстро сказала Аня.

Вова посмотрел на неё. Она знала, откуда у них деньги, и всё равно сказала. Теперь спорить об этом при чужом было поздно.

— Тогда я отнесу ему, — произнёс Вова, доставая кошелёк. — А ты...

— Никуда не денусь? — парень усмехнулся. — Я тебе что, котёнок?

— Я хотел сказать: подожди.

Тот некоторое время разглядывал его, потом сел обратно на бочку.

— Женя. Зовут меня Женя.

* * *

Булочник взял деньги и вышел на крыльцо, чтобы ещё раз увидеть того, кто решил платить за вора. Сумму назначил с запасом. Вова начал было возражать, но мужчина показал на сорванный дверной крючок.

— Тоже из муки мне его лепить?

Вова отдал ещё монету. Обещание вернуть Кате всё до последнего гроша стало гораздо сложнее.

Когда он вернулся, Аня уже ела хлеб. Женя разломил буханку на неровные части и протянул Вове самую большую.

— Деньги твои.

— Не совсем.

— Всё равно.

Вова взял кусок. Хлеб был тёплым, с очень тёмной коркой. Сестра смахнула с кофты крошки.

— У нас есть где спать. Тебе тоже можно спросить.

— Аня.

— Что?

— Это Катин дом.

Женя перестал жевать. До того его взгляд всё время перебегал с одного на другую, словно он следил за игрой с неизвестными правилами. Теперь в лице появилось понимание.

— Не нужно мне ничего, — сказал он. — Вы же новенькие. Сами ещё не знаете, кто здесь чего решает.

Он сломал корку, опустил глаза. Вова узнал этот жест: так он сам вчера тёр сухую тарелку, потому что не знал, куда девать руки.

— Ты один живёшь?

— С отцом.

— А он где?

— На работе.

Аня хотела что-то спросить, но Женя заговорил раньше:

— Куда вам надо? Я могу показать. За хлеб, считай.

Вова протянул карту. Женя почти не посмотрел на рисунок — ему хватило названия таверны, которое Катя написала в углу. Он узнал и имя на конверте.

— К Тимофею после полудня. Он у писчих ворот утром

сидит, там ему больше платят.

— Мы знаем.

— А про доску знаете? Там за городские поручения неплохо дают. Если не попасться.

— Кому?

Женя доел свой хлеб, скомкал обрывок ткани, в который была завернута буханка, и встал.

— Пойдёмте. Покажу.

Он шёл быстро, срезая углы через дворы. Вова сначала пытался сверяться с картой, потом перестал. Его тревожило, как легко парень может завести их туда, откуда не выбраться. Вместе с тем Женя то и дело оглядывался, проверяя, успевает ли Аня в неудобных башмаках, и замедлял шаг.

Возле водомерного столба он остановился. На столбе были прибиты полоски железа с насечками, а под ними — желтоватая бумага в деревянной рамке. Женя наклонился к бумаге и провёл пальцем по нижней строке.

— Что там? — спросила Аня.

— Уровень воды.

Вова увидел слово «осуждён», прежде чем Женя распрямился. Остальной текст прикрыла его ладонь.

— Нам дальше, — сказал парень.

Доска заказов занимала стену под навесом. Люди толпились перед ней, читая листки, спорили об оплате, сравнивали печати. На некоторых бумагах стояли чёрные звёзды — от одной до пяти. Аня спросила, что это значит.

— Категория риска, — ответил Женя. — Чтобы потом не жаловались. С одной звездой обычно курятники чинят или с письмом бегают. С пятью можно и не вернуться.

— Кто определяет?

— Писарь. Если заказчик не пожалел ему на вино.

У самого края висел лист с красной лентой. Награда — пятьсот медных грошей, одна звезда. Вова перечитал текст. Требовалось доставить феникса из Мерцающего леса к дому господина Лихарева, до конца недели. Для дочери Марты. Указывались приметы птицы, место встречи и размеры клетки.

— Пятьсот, — сказала Аня.

Женя присвистнул.

— За одну звезду многовато.

Вова оглянулся в поисках писаря. Тот сидел за окошком, прикрыв ладонью стакан, чтобы в чай не летела пыль.

— А такая птица опасная? — спросил Вова.

Писарь отхлебнул и не сразу ответил:

— На листе всё написано.

— Там не написано.

— Значит, не опасная. Следующий.

Вова не сорвал листок, хотя рука уже тянулась к нему. Вместо этого достал Катину письмо и зажал его между пальцами. Нужно было сначала отнести письмо, узнать про книги, показать хозяйке заказ. Всё это были разумные шаги, и он злился, что они занимают столько времени.

Женя прочёл его колебание по-своему.

— Боишься, что птица огнём плюётся?

— Боюсь, что ты не знаешь, — ответил Вова.

Парень перестал улыбаться. Аня сложила карту и сунула брату в карман.

— Тогда спросим того, кто знает.

На обратном пути Женя снова остановился возле водомерного столба. Теперь Вова не стал делать вид, что смотрит в другую сторону.

На бумаге было имя: Павел. Ниже — обвинение в подлоге ведомственных записей, отметка об отправке в Старые шлюзы. По краю рамки шла ржавчина, а дата затёрлась от дождей.

— Это твой отец? — спросил Вова.

Женя стоял к нему спиной.

— Ты говорил, он на работе.

— Он и был на работе.

— Я не это...

— Знаю, что ты не это.

Женя отнял руку от рамки. Пальцы были испачканы рыжей пылью.

— Он записывал воду. Когда поднимается, когда падает. Числа переписывал. Я у него учился. А потом пришли люди и сказали, что он что-то подделал. Даже бумаги не дали взять. Я с тех пор сюда хожу. Здесь вывешивают, если перевели.

Аня подошла ближе, но не прикоснулась к нему.

— Давно?

— Семь месяцев.

Вова посмотрел на столб. Подлоги, вода, тюрьма — за этими словами не было для него ничего, кроме Жениных острых плеч и слишком тёплого для вора хлеба. Ему захотелось пообещать помощь. Такое обещание прозвучало бы хорошо. Он уже почти произнёс его, но вспомнил разговор с Аней в прихожей.

— Пойдём с нами к Кате, — сказал он. — Спросим про заказ. И про отца тоже можно спросить.

Женя покрутил в руках остаток корки.

— Спросить-то можно.

Он пошёл за ними, на этот раз медленнее. Возле первого поворота Аня подождала, пока он поравняется с ней, и отдала последний кусок своего хлеба.

Глава 5 Птица не для клетки

Тимофей жил в комнате над красильней. По лестнице тянуло кислым паром, перила были синими от следов ладоней. Катя пошла с ними: письмо, объяснила она, предназначалось не совсем для чужих глаз. Женя остался ждать во дворе, сев на перевёрнутый чан.

Переписчик оказался невысоким мужчиной с рыжеватой бородой и жёлтым пятном на указательном пальце. Он прочитал письмо дважды, потом взглянул на Вову поверх очков. Ни удивления, ни вопроса про чужую одежду на лице не появилось. Это настораживало.

— Дай руку, — сказал он.

Вова вспомнил Катину предупреждение и спрятал ладонь за спину.

Тимофей заметил, куда он посмотрел, и отодвинул стул.

— Верно. Хорошо, что слушаешь. Я хотел проверить, есть ли регистрационный след. Можно просто посмотреть. Не прикасаясь.

Вова показал руки. Тимофей поднёс лампу, прищурился на ссадину, попросил повернуть ладони. Аня сама протянула свои, не дожидаясь предложения.

— Чисто, — сказал переписчик. — И как вы собираетесь их здесь держать?

Вова понял, что вопрос обращён к Кате.

— Пока в комнате наверху.

— Это я знаю. Потом?

— Они перед тобой сидят, Тимофей. У них тоже можно спросить.

Мужчина снял очки. Без них он стал выглядеть моложе и значительно устатее.

— Спросим. Есть кто-нибудь, кого вы знаете в Фауне?

— Катя, — ответила Аня. — Теперь ещё Женя. Он внизу.

— Я про взрослых.

— Вы.

Катя фыркнула, спрятав улыбку в воротник. Тимофей положил очки на письмо.

— Справедливо. Тогда начнём с того, что мне известно.

Известно ему было немного. Запись о человеке, появившемся в грозу, он видел в двух хрониках. В одной говорилось, что тот принёс магию, в другой — что нашёл древнюю силу под городом. Точные даты расходились. В свободном доступе оставались школьные списки, праздничные речи и жизнеописания королей. Настоящие протоколы хранились во дворце и в Долине ветров.

— Это далеко? — спросил Вова.

— По горным дорогам дня четыре. Другим путём — ближе, если вас позовут.

— Кто?

— Генри Марковский. Он держит школу. Катя может передать ему записку, но обещать приём я бы не стал. Народу сейчас много, мест меньше.

Вова сразу подумал о работе. Если туда трудно попасть, нужно принести что-нибудь, что сделает просьбу убедительной. Он вытащил из кармана заказ, который они всё-таки показали Кате перед выходом.

— А вы про фениксов знаете?

Тимофей надел очки. Пробежал глазами листок и стукнул пальцем по звезде.

— Кто это составил?

— На доске висело.

— Писарь опять продал оценку вместе с бумагой. Вот чем кончается дешёвая регистрация.

Катя забрала лист. Хозяйка уже читала его утром, но те-

перь заметила строку, которую Вова тоже пропустил: «Птица должна сохранить голос». Он решил было, что речь о повреждении горла, однако Тимофей покачал головой.

— Некоторым проще заплатить, чем объяснить людям, чего они хотят.

Он подошёл к окну и позвал Женю. Тот поднялся не сразу. На последней ступеньке остановился, готовый при необходимости повернуть назад.

— Павла сын? — спросил Тимофей.

У Жени затвердело лицо.

— Что с ним?

— Нового не знаю. Знаю, что почерк его похож на твой. Ты письма писал с Рыбьего спуска?

Женя кивнул.

— Адрес ты ставишь неверно. В Старых шлюзах не принимают на имя без номера дела. Номер попробуем выяснить. Только ты сюда приходи через Катю.

— Почему?

— Потому что те, кто отвечает на чужие просьбы слишком быстро, могут продавать ответы кому-нибудь ещё.

Переписчик достал из шкафа старую книгу о лесных птицах. На гравюре феникс оказался совсем не таким, как Вова представлял: длинноногий, с узкой головой и широкими крыльями. Огнём светились только края перьев. Ни в одном описании не говорилось, что его можно безнаказанно посадить в клетку. Зато несколько раз повторялось слово «сви-

детель».

— Эти птицы запоминают связь, — объяснил Тимофей.
— Где был разрыв, где живому навязали чужую силу. Старые садовники считали их сторожами. Если феникс идёт с человеком, это его выбор. Приказать ему петь нельзя.

— Тогда заказ невыполним, — сказал Вова.

— В таком виде — да.

— А если прийти без птицы и поговорить с отцом Марты?
— спросила Аня.

Тимофей поднял взгляд. Катя уже кивала.

— Это как раз можно.

* * *

Господин Лихарев принял их в дверях. Он был в дорогом домашнем халате, однако пояс перевязал обычной верёвкой. Пока Катя представлялась, всё время оглядывался внутрь дома. За его спиной, в длинном коридоре, стояла клетка с медными прутьями.

— Я занят, — сказал он. — Условия написаны. Оплата по исполнению.

— В лесу может не оказаться птицы, — произнесла Аня.
— А если окажется, её всё равно нельзя заставить.

Мужчина посмотрел на неё так, словно она сообщила ему об испорченном товаре.

— За пятьсот грошей люди обычно находят способ.

Катя шагнула вперёд.

— Вашей дочери птица зачем?

— Вам не объяснили?

— В заказе день рождения. В книге — совсем другие вещи.

Лихарев потёр переносицу. Вова заметил на кончиках его пальцев следы чернил. Под дорогим халатом торчал ворот рубашки, надетой наизнанку.

— Она не слышит, — сказал мужчина. — Третью неделю. Лекари говорят, пройдёт. Ей раньше помогало пение в саду. А в саду теперь...

Он махнул рукой в сторону закрытой двери. Катя больше не давила. Спросила, можно ли увидеть Марту, и Лихарев после долгого колебания впустил их.

Девочка сидела возле окна и рисовала. На полу стояли коробки с прутьями и проволокой, в углу — расколотый горшок. На подоконнике лежало растение с толстыми листьями: листья побелели, стебель расплющился так, словно по нему ударили молотком.

Марта обернулась на движение. Ей было лет одиннадцать. Она увидела отцовский рот, медленно произносящий слова, и отвернулась. Аня присела рядом, показала карандаш, потом указала на свободное место на листе. Марта подвинула бумагу.

Вова стоял в дверях. Здесь слишком многое напоминало мамину последнюю комнату: вода возле кровати, аккуратно сложенное одеяло, люди, которые говорят о больном над его головой. Он не хотел слышать разговор Лихарева с Катей,

однако тот говорил всё громче.

— Я не собирался мучить птицу. Закажите мне мастера, который знает, как...

— Сначала спросите дочь, — перебила Аня.

Она подняла лист. Марта нарисовала клетку, перечёркнула её и рядом — раскрытое окно.

Отец шагнул к столу. На лице у него мелькнула злость, за ней растерянность. Он взял карандаш, написал вопрос. Девочка прочитала, вытерла ладонью край щеки и долго выводила ответ.

«Она может улететь после».

Вова смотрел на эти неровные слова. Ему тоже хотелось клетки: не с птицей, а с таким устройством мира, где всё ценное можно удержать возле себя, если достаточно стараться.

Он достал заказ и положил на стол.

— Мы можем попробовать найти её, — сказал он. — Но принесём только если она сама пойдёт.

Лихарев какое-то время молчал.

— Не пятьсот за попытку.

— Не надо пятьсот. Дайте карту леса и еду на дорогу.

— И взрослого, — добавила Катя.

* * *

Лесник отказался вести их за реку. Взял половину условленной платы за дорогу до сторожки, показал места, где можно пройти по камням, и объявил, что дальше начинается чужая мера. Вова уже слышал это выражение от Тимофея, од-

нако не понял, что оно значит.

— У каждого места привычка, — сказал лесник. — Тут ваша кончается. Туда шагнёте — не думайте, что всё понимаете.

Катя осталась с ними. Дров для таверны, объяснила она, привезли на два дня, помощница справится с залом, а вечером они заночуют в сторожке. Женя знал часть дороги: прежде приходил с отцом к водомерной отметке. Поэтому его взяли тоже, хотя Вова до последнего сомневался, не исчезнет ли он с припасами.

Увидев Мерцающий лес, Аня остановилась.

Деревья светились без солнца. В коре шли тонкие жилки, голубые возле земли, рыжие выше. На ветру цвет перетекал от одного ствола к другому. Вова ждал, что сейчас появится привычное объяснение — краска, лампы, отражение, — однако свет уходил глубоко в древесину, и от ладони, приложенной к коре, поднималось лёгкое тепло.

Женя поймал его за рукав.

— Тимофей же говорил: не трогать, если не знаешь.

Вова отдёргнул руку. От ладони пахло смолой.

Они шли вдоль реки, ставшей узкой и быстрой. У мелкого порога вода вдруг затянулась льдом. Корочка росла навстречу течению, поднималась прозрачными гребнями. Из воды выпрыгнула рыба и расправила по бокам тонкие плавники. Она пролетела над камнями и упала дальше, где ледяной нарост уже таял.

Аня засмеялась. Вова давно не слышал такого смеха — без оглядки на то, кто услышит и не решит ли, что ещё рано. Он обрадовался и в ту же секунду подумал, что мама не увидит эту рыбу. Радость не пропала, но стала больше.

Переpravлялись по трое, держась за верёвку лесника. Катя шла первой, Женя вторым. Аня остановилась на среднем камне, когда вода возле башмака начала мутнеть.

— Не смотри вниз, — сказал Вова.

— Я должна видеть, куда ставить ногу.

Он замолчал. Лёд вздулся сбоку, и Аня успела переступить на соседний камень до того, как течение ударило в щиколотку. Вова вытянул руку, однако она уже держалась за Женю. Сестра справилась без него. Это принесло облегчение и какую-то неприятную пустоту, которую он не захотел рассматривать.

Птицу нашли к вечеру.

Сначала слышали стук — тонкий, металлический, не похожий на лесной. За кустами стояла складная клетка. На земле были разбросаны семена, а в прутьях билось узкое рыжее крыло. Феникс пытался выдернуть ногу из петли.

Вова уже побежал, когда Катя приказала остановиться. По другую сторону клетки поднялся человек в тёмном плаще. В руках он держал длинный крюк.

— Заказ занят, — сказал он. — Доску читать надо.

Женя тихо выругался. Второй человек показался справа, перехватывая им дорогу к реке.

— Мы только посмотреть, — сказала Катя.

— Посмотрели. Теперь уходите.

Феникс перестал биться. Свет на его крыле потускнел; под прутьями проступила тонкая струйка дыма. Человек с крюком осторожно подвинул клетку ногой, проверяя, выдержит ли днище.

Аня всхлипнула от злости. Вова увидел, как она нащупывает в сумке нож, которым утром разрезали хлеб, и перехватил её запястье. Второй ловец заметил движение.

— С пустыми карманами отсюда уйдёте, если полезете.

Вова посмотрел на клетку. Там, где прутья касались крыла, шла красная нить. Та самая красная, что была на ленте заказа. Он не знал, значит ли это что-нибудь, но впервые подумал: птица могла понадобиться не только Марте.

Катя начала отходить назад, увлекая Аню. Женя поднял с земли камень. Вова хотел приказать ему бросить, но парень уже развернулся к реке и со всей силы швырнул камень в воду.

Раздался треск.

Под берегом лопнул ледяной гребень. Вода поднялась волной, плеснула на сапоги ловца. Он выругался и отступил, на миг отпустив клетку. Вова даже не понял, что собирается делать, пока не оказался рядом с ней.

Прут обжёг пальцы. Нож Аня всё-таки вытащила — теперь протянула ему рукоятку вперёд. Катя закричала что-то человеку с крюком. Женя стоял между ними, выставив перед

собой длинную ветку.

Вова резанул петлю. Верёвка не поддавалась с первого раза. Феникс повернул голову, и в тёмном глазу отразилось его лицо. Птица ждала. Он резанул снова, в щель между волокнами, пока кончик ножа не ударился в медное кольцо.

Крюк задел его по плечу. Вова упал на колени. Катя вцепилась ловцу в рукав, дёрнула вниз; второй уже возвращался с берега. Вова потянул дверцу клетки на себя, петля распалась, и огонь вышел наружу.

Жар ударил по лицу, хотя пламени почти не было. Красная нить вспыхнула и свернулась чёрной пружинкой. Феникс расправил крылья над всеми сразу. Люди пригнулись.

— Назад! — крикнула Катя.

На этот раз Вова послушался. Он схватил Аню за руку, Женя подхватил его с другой стороны, и они побежали к реке. За спиной слышались шаги, потом хруст и ругань: у самого берега вода снова начала застывать. К вечеру они добрались до сторожки, грязные, с промокшими ногами и без птицы.

Катя долго перевязывала Вовино плечо. Рука поднималась плохо, однако крюк порвал только кожу и ткань. Аня сидела рядом, всё ещё сжимая нож. Женя осторожно забрал его и воткнул в щель между половицами подальше от огня.

— Ты мог попросить помочь, — сказала Катя.

— Мы бы не успели.

— Ты даже не попробовал.

Вова хотел ответить, что все остальные только стояли. Потом увидел разбитую Катину губу. На её рукаве темнела кровь, и он не знал, когда именно её ударили.

— Извините.

— Я злюсь, — сказала она. — Это не мешает мне перевязать тебя. Но ты должен знать.

Он кивнул. За дверью сторожки тихо скрипнуло дерево. Женя встал, доставая нож, и замер.

На пороге сидел феникс.

Птица стояла на одной ноге, вторую поджала к брюху. Холодок потускнел, широкие крылья были сложены. Аня отодвинула миску с водой. Феникс посмотрел на неё, затем прошёл внутрь, оставляя на досках маленькие тёплые следы.

Глава 6 Дверь в Долину ветров

Феникс провёл ночь на спинке стула. Никто не пытался посадить его ближе к огню или погладить. Женя проснулся один раз и долго смотрел на яркую точку птичьего глаза. Утром признался, что ждал: она исчезнет, стоит всем уснуть.

Вова тоже ждал. Плечо ныло, рубашка прилипла к повязке, и на месте вчерашней отваги осталось неприятное воспоминание о крюке возле лица. Когда он попытался налить воды, рука дрогнула. Катя забрала кружку молча.

— Лихарев может не заплатить, — сказала она за завтраком. — Условие мы изменили на словах. Если поднимет спор, бумага будет против нас.

— Но птица же с нами, — возразил Женя.

Феникс повернул голову к окну.

— Пока с нами, — уточнила Аня.

Они вышли, когда рассеялся туман. Катя оставила леснику записку о ловцах и клетке; на земле возле сторожки Вова нашёл несколько рыжеватых перьев, однако брать не стал. После вчерашнего даже это казалось попыткой получить что-нибудь помимо согласия птицы.

На переправе вода была спокойной. Только возле правого берега торчал ледяной выступ, похожий на сломанную чашу. Женя постучал по нему веткой и показал чёрную полосу под льдом.

— Проволока.

Катя наклонилась. Проволока шла от берега в воду, почти незаметная среди камней. С неё свисали остатки той же красной нити. Вова вдруг вспомнил, как быстро началось замерзание после брошенного камня.

— Это они поставили?

— Похоже, — ответила Катя. — Не трогайте.

— Вчера мы могли...

Вова не договорил. Он считал, что просто воспользовался лесной странностью. Оказалось, им повезло наткнуться на чужую снасть. Повезло не попасть в неё самим. Никто из них даже не заметил.

Катя сняла с пояса верёвку. Через реку они шли дальше, выбирая другое место. Феникс перелетел сразу и ждал на ветке, пока последний из людей не выбрался на берег.

Из леса птица вышла вместе с ними. Дорога в город заняла почти весь день. На заставе стражник хотел записать её как добычу, но Катя попросила позвать старшего и назвала имя Тимофея. Спор длился долго; Вова держал язык за зубами, хотя именно сейчас молчать было труднее всего. Каждый взгляд на птицу он воспринимал как угрозу.

Старший пришёл без плаща. Посмотрел на феникса, на разорванную рубашку Вовы, забрал запись у подчинённого и перечеркнул слово «добыча».

— Проходите. Крыльев не связывать.

Когда они отошли от ворот, Аня спросила, почему он помог.

— Его дочь у Генри учится, — ответила Катя. — Он знает, с чем лучше не спорить.

Вова обернулся. У ворот остановили новую повозку; стражник уже не смотрел им вслед. Получалось, за каждым простым решением могли стоять чьи-то знакомые, дети, долги. Он пока не умел видеть эти связи и от этого ощущал себя ещё моложе.

* * *

Лихарев встретил их с лекарем. Тот был в длинном зелёном переднике, пах сушёной травой и мылом. Птица уселась на оконный косяк, прежде чем хозяин успел указать на клетку.

Аня сразу подошла к Марте. Девочка узнала её, потянулась за карандашом, но потом увидела феникса и уронила

коробку на пол. Карандаши раскатились. Никто не стал собирать.

— Только тихо, — сказал лекарь.

Лихарев сделал шаг к окну, и птица подняла крыло. Катя взяла хозяина за локоть.

— Пусть сама.

Марта встала. На левом запястье у неё обнаружилась красная полоска, прежде скрытая манжетой. Она протянула руку, и феникс наклонил голову, не касаясь кожи.

Звука Вова сначала не услышал. У него только заломило зубы, будто рядом протянули по краю чашки мокрым пальцем. Затем воздух возле окна пошёл мелкой дрожью. Листья на мёртвом растении зашевелились, хотя стебель оставался расплюснутым.

Марта отступила. Лихарев бросился к ней, лекарь придержал его за плечо. Аня сидела на корточках возле разбросанных карандашей. Она положила один на край стола, остриём к девочке, чтобы та при необходимости могла дотянуться сама.

Птица запела.

Вова не сумел бы повторить мелодию. В ней были провалы, за которыми следовало ждать, и длинные низкие ноты, больше похожие на ветер в трубе. Марта сначала зажимала уши. Потом медленно опустила руки и заплакала.

Её отец начал говорить, однако лекарь покачал головой. Феникс спел ещё раз, короче. На медном кольце, лежащем

возле горшка, лопнул шов. Оттуда высыпались несколько красных волокон.

Теперь Вова их узнал.

— Это что? — спросил он.

Лекарь поднял кольцо щипцами. Изнутри проступил знак: две короткие линии, сходящиеся над волнистой чертой. На листке заказа в самом низу был похожий, только мельче.

Лихарев побледнел.

— Садовый закрепитель. Мне его выдали после проверки.

— Кто проверял? — спросила Катя.

— Ведомство. Пришли с печатью. Сказали, старые растения опасны, нужно приглушить рост. Я заплатил...

Он осёкся, глядя на дочь. Марта прижала ладони к груди, потом протянула руку к окну. Её губы шевельнулись.

— Не закрывай.

Лихарев опустился перед ней на колени, не заметив рассыпанных карандашей. Феникс спрыгнул с косяка, расправил крылья, и все отступили. Птица вылетела во двор, поднялась над голой яблоней и исчезла между крышами.

Никто не побежал следом.

Марта ещё не слышала шёпота. Лекарь проверял её слух осторожно, по одному слову, и предупреждал, что после чужой силы восстановление может занять долгое время. Вова слушал его, стоя возле клеточной двери. Он вдруг ощутил нелепое разочарование: ему хотелось, чтобы хотя бы здесь

всё решилось целиком, сразу, одним пением.

Аня заметила это и тихо сказала:

— Она меня слышала.

Вова кивнул. Этого было достаточно, даже если хотелось большего.

Лихарев расплатился по обещанию. Не пятьсот, а триста пятьдесят: клетку, по его словам, всё равно пришлось покупать, а птица не осталась. Катя начала спорить. Он упирался, пока Марта не написала что-то на листке и не пододвинула ему. Тогда Лихарев молча добавил оставшиеся деньги.

Вова взял расписку. Внизу, рядом с подписью, стояла маленькая печать с теми самыми линиями над волной. Он попросил оставить ему и сломанное кольцо. Лекарь завернул его в ткань, предупредив не прикасаться голыми руками.

По дороге в таверну Вова держал свёрток отдельно от денег. Было неприятно думать, что они получили награду за помощь, которая понадобилась из-за чьего-то другого, уже оплаченного вмешательства. Деньги пахли ладонями и железом. Он пересчитал их и впервые не обрадовался сумме.

* * *

Вечером Тимофей сидел за тем столом, где прежде был человек в сером жилете. Перед ним лежали чистая бумага и два конверта. Он выслушал Катю, попросил показать кольцо и долго рассматривал сломанный шов.

— Это не садовый знак, — сказал он наконец. — Поставщик школы. У меня были счета с такой печатью.

— Школа ставит ловушки? — спросила Аня.

— Я сказал, поставщик. Пока достаточно этого.

Вова почувствовал досаду. Когда он пытался получить ясный ответ, взрослые всё время добавляли слова «пока», «возможно», «надо проверить». Казалось, они просто не хотят тревожиться. Однако перед глазами стояла проволока подо льдом, которую он заметил только на обратном пути. Ясность, полученная слишком быстро, могла оказаться опаснее незнания.

Тимофей написал письмо. Писал очень мелко, в несколько заходов, дважды вычеркнул слово и начал заново на другом листе. Затем попросил Вову, Аню и Женю назвать возраст, привычные занятия, всё, что они умеют делать руками. Вова подумал, что речь о работе.

— Велосипед чинить, — сказал он. — Читать схемы. Немного.

— Я запоминаю, — сказала Аня. — Тексты, лица. Если видела, обычно помню.

Женя пожал плечами.

— Считать. Писать. Ходить там, где не пускают.

Тимофей поднял на него глаза.

— Последнее я передавать не буду. Остальное пригодится.

Он запечатал конверт и отдал Кате. Та прижала печать пальцем, дождалась, пока воск остынет, и убрала письмо в карман. Вова всё-таки спросил:

— Это Генри?

— Ему.

— Он скажет, как вернуться?

Переписчик посмотрел на Катю. Вова больше не позволил отвлечь себя этим взглядом.

— Вы сами сказали, у него архивы.

— Я попрошу его ответить на твои вопросы. За него обещать не могу.

— Тогда зачем возраст?

— Потому что в школу набирают учеников. И принимать решение вам придётся самим.

Аня поставила чашку. Женя замер, опустив хлеб, который только что отломил.

Тимофей объяснил условия. Обучение, кров, одежда, работа по дому по общему расписанию. Учеников не обязывают становиться солдатами, хотя многие потом идут на службу. Магии учат не ради права приказать животному или зачечь меч. Прежде всего, сказал Тимофей, там объясняют, когда силой пользоваться нельзя.

— И вас всех троих могут не взять, — добавил он. — Я прошу рассмотреть троих. Решает Марковский.

Ночью Вова не мог заснуть. Он пересчитал оставшиеся деньги, отложил Катин долг, затем ещё часть — за обувь и комнату. Хозяйка отказалась брать вторую кучку. Вернула её на стол и сказала, что помощь перестанет быть помощью, если каждый раз делать из неё счёт.

Он не знал, как с этим жить. Долг можно выплатить и уйти свободным. К доброте не прилагалось понятного срока.

Аня сидела на подоконнике и смотрела во двор.

— Ты пойдёшь? — спросил Вова.

— Хочу посмотреть.

— Там могут знать про дом.

— Я и без этого хочу.

Он подошёл ближе. Сестра подвинулась, освобождая край подоконника.

— Ты сердишься? — спросила она.

— Нет.

— Ты сразу весь стал такой, как будто я тебя бросаю.

Вова хотел сказать, что это глупость. Вместо этого сел рядом. Подоконник оказался узким, пришлось упираться ногами в пол.

— Я не знаю, что буду делать, если нас опять...

— Не надо заранее. Сначала спросим, возьмут ли всех.

Внизу раздался тихий стук. Катя открыла дверь, впуская человека с чёрной тростью. Лица из окна видно не было, только широкий ворот и маску, гладкую, без рисунка. Человек посмотрел вверх, словно знал, где сидят Вова и Аня.

Брат с сестрой одновременно отодвинулись от стекла.

Через минуту Катя позвала их вниз.

Гость оказался ниже, чем Вова ожидал. Он снял перчатки, аккуратно вложил одну в другую. На левой руке не хватало кончика мизинца. Через прорези чёрной маски смотре-

ли светлые глаза; возле края белела неровная кожа.

— Генри Марковский, — представился он. — Можно Генри. В классе, если дойдём до класса, будете звать учителем.

Женя вышел из кухни, вытирая руки о штаны. Взгляд Генри остановился на нём чуть дольше, чем на остальных.

— Я видел письмо Тимофея. Есть несколько вопросов. Начнём с простого: кто из вас решил выпустить птицу?

— Мы, — сказал Вова.

— Кто перерезал петлю?

— Я.

— Кто отвёл ловца от клетки?

Вова посмотрел на Катю.

— Она. А Женя бросил камень. Аня дала нож.

Генри кивнул, будто важнее всего был этот последний ответ.

Разговор продолжался недолго. О происхождении брата с сестрой он не спрашивал при Жене, не трогал их руки, не обещал чудес. Про дорогу домой ответил прямо: он знает о переходах меньше, чем хотел бы, но в его архиве они смогут искать. Про отца Жени — что законных обращений не оставит, если найдутся документы. Сказать «вытащу» он отказался.

Вова поймал себя на том, что верит ему именно после отказа.

Утром они собрались у невзрачной двери на городской улице. Над ней висела небольшая вывеска с золотым львом.

Позади оставались торговые ряды, повозки, колодец. Катя пришла проводить их и принесла узел с едой, хотя Генри говорил, что кормить в школе будут.

Женя зажимал в кулаке бумагу с номером отцовского дела: Тимофей успел найти его в старой ведомости. Аня поправляла ворот новой куртки. Вова проверил застёжку медного браслета, потом перестал — она держалась.

— Если передумаете, Рыбий спуск знаете, — сказала Катя.

Он кивнул. Впервые предложение вернуться не прозвучало как угроза не справиться.

Генри постучал тростью о нижнюю перекладину. Внутри двери что-то отозвалось. Когда он повернул ручку, Вова увидел за порогом мокрую каменную галерею, дальний склон и длинное светлое здание. Над зданием шли облака, хотя над Белоречьем утро было ясным.

Из открытой двери дохнуло прохладой. Ветер пах землёй после дождя.

Аня протянула руку, но на этот раз не ухватила за брата — просто коснулась его ладони и шагнула сама. Женя последовал за ней. Вова обернулся к Кате, хотел сказать что-нибудь на прощание и вдруг понял, что прощаться не обязательно.

— Мы напишем.

— Пишите разборчиво, — сказала она. — Я ваши каракули через Тимофея читать не собираюсь.

Вова засмеялся, впервые за несколько дней не почувствовав за смехом вины. Затем переступил порог, придерживая незажившее плечо. Катя вошла следом: она хотела сама посмотреть, где они будут жить. Генри дождался её и прикрыл дверь.

Глава 7 Двадцать шагов

За дверью пахло снегом.

Вова ещё видел возле своего локтя Катину руку, потёртый косяк на улице Белоречья, край вывески сапожника. Потом дверь как будто качнулась вместе с целым домом, и вместо городской мостовой под ногой оказался мокрый камень. Ветер ударил в лицо. Аня схватила его за рукав, Женя присел и выругался сквозь зубы: край ступени пришёлся ему по щиколотке.

Они стояли на открытой галерее над ущельем. Внизу, далеко под ними, с белых уступов срывалась вода; её грохот то пропадал, то поднимался до самых перил. На противоположном склоне росли сосны. У каждой вершина была отогнута на юг, словно все деревья одновременно услышали зов. Через ущелье тянулся мост, достаточно широкий для телеги, с невысокими каменными столбами. На его середине висел медный колокол. Дальше теснились корпуса из серого камня, соединённые переходами, а над ними возвышалась круглая башня с плоской, ограждённой крышей.

— Долина ветров, — сказал Генри. — Не подходите к перилам вплотную. С той стороны обрыв, а после дальнего пе-

рехода у всех ненадолго кружится голова.

Катя выпустила Вовин локоть. Теперь он заметил, как побелели костяшки её пальцев.

— Можно было предупредить до того, как нас протащило через полмира.

— Через шестьдесят вёрст, — ответил учитель. — И да, следовало.

Так просто он это признал, что Катя не нашлась с ответом. Чёрная маска закрывала лицо Генри до скул, но нижняя губа у него подрагивала от холода. Он поспешно запахнул плащ и повёл их к мосту.

Вова шёл последним. В училище, которое он представлял по Катиному рассказу, должны были блестеть окна, двигаться лестницы и сами собой открываться двери. Здесь под ногами хрустел прошлогодний песок. Из пристройки вышла женщина с двумя вёдрами и крикнула кому-то, чтобы вернули тачку. У крыльца трое мальчишек скалывали лёд длинными лопатами. Один, в красном шарфе, посмотрел на новичков с откровенным любопытством, другой даже не поднял головы. Обычная работа почему-то успокоила Вову больше моста над бездной.

В приёмной было жарко. Катя сразу повесила их мокрые куртки у печи, словно собиралась остаться. Генри раскрыл большую книгу. На странице уже были три имени.

— За обучение платить не придётся, — сказал он. — Приглашение действительно на весь начальный курс. Я подписал

распоряжение после сообщения о фениксе. Связь такого рода нельзя бросать без обучения.

— За еду? За жильё? — уточнила Катя.

— Тоже. Одежда и инструменты школьные, выданное под расписку возвращается при уходе. Уходить можно в любой момент, сообщив дежурному наставнику. Для несовершеннолетних мы обязаны устроить безопасную дорогу и место, где их примут.

— У нас это место уже есть, — сказала Катя. — «Рыбья чешуя», Рыбий спуск, третий дом от водомерной башни. Запишите.

Вова хотел возразить: нельзя же закреплять их за чужим домом, у Кати и так полно забот. Но Аня придвинулась к столу, проверяя, как учитель выводит адрес. Она дышала свободнее, чем за последнюю неделю. Вова промолчал.

Генри не стал спрашивать отчества и место рождения. Под строкой «родители» он оставил два прочерка. Вова видел, как кончик пера завис над бумагой, и благодарил его за то, что он ничего не сказал.

С Женей вышло иначе.

— Павлович? — переспросил Генри, когда тот назвал полное имя.

— Просто Женя. Все так зовут.

— Здесь требуется запись.

— Пишите как хотите.

Женя ушёл к окну и принялся счищать грязь с подошвы

об подоконную подставку. Вова заметил, что Генри дописал строку сам и закрыл книгу ладонью.

Потом им выдали по две рубашки, брюки из грубой синей ткани, полотенца, по медной кружке и по паре перчаток. На манжете каждой был вышит золотой лев. Вова примерил свою: кожа, мягкая у пальцев и плотная на ладони, сразу согрелась. От запястья до локтя пробежало приятное покалывание.

— Снимите пока, — сказал Генри. — Носить их будете на занятиях. Не спите в них, даже если замёрзнете. И не пытайтесь сделать то, что я только что сделал с дверью.

— А попробовать маленькое? — спросила Аня.

Учитель посмотрел на неё, и в уголках его рта впервые появилось что-то похожее на улыбку.

— Начнём с того, что у нас всех получится самостоятельно дойти до столовой.

* * *

Комнату Вова делил с Женей и ещё двумя учениками. Роджер был широкоплечий, веснушчатый и говорил так тихо, что при шуме воды его приходилось переспрашивать. Вильям, худой мальчишка с вечной чернильной кляксой под ногтем, немедленно объяснил, какое стекло у окна дребезжит и куда подставлять кружку, если северный дождь начнёт течь по стене.

— У хороших кроватей пружины поют, — сказал он. — У плохих колют. Тебе досталась поющая.

Он ткнул в матрас у двери. Вова сел, и кровать выдала долгую жалобную ноту. Женя коротко хмыкнул. За всё утро это был его первый звук, не похожий на защиту.

Аню поселили в соседнем корпусе, с двумя девочками младшего курса. Вова успел побывать у них до вечернего колокола. У Ани была своя полка, занавеска вокруг кровати и окно на водяное колесо. Она стояла посреди комнаты с выданным полотенцем в руках и смотрела на него так, словно вещь имела скрытое условие.

— Что? — спросил Вова.

— Ничего. Оно новое.

На краю полотенца был криво выстрочен номер. Вова почувствовал, что сейчас скажет что-нибудь ненужное: что теперь всё будет хорошо, что они справятся. Он только придвинул к её кровати сундук.

— Я рядом, через переход.

— Я знаю.

— Если что, ночью можно...

— Вова, я знаю.

Тогда он вышел. За дверью Генри разговаривал с Катей. Она уже надела плащ и перевязала свои вещи ремешком. По ту сторону дверного проёма серела улица Белоречья, и оттуда тянуло совсем другим холодом, сырым, речным.

— Пишите, — сказала Катя, увидев Вову. — Я буду оставлять письма у городской двери по средам. Дежурный за ними приходит. Скажите Ане, что я не унесла её тетрадку, она

в боковом кармане сумки.

Он кивнул. Вся благодарность, которую следовало произвести, оказалась слишком большой для тесного коридора.

Катя сама обняла его, неловко, одной рукой: другой удерживала сумку.

— И не отрабатывай каждую ложку супа, хорошо? Иногда суп дают потому, что ты голодный.

Дверь закрылась. На её месте теперь было тёмное стекло, в котором отражались Генри и мальчик в плохо подогнанной школьной рубашке.

* * *

На первом занятии Иван Макаров приказал всем снять перчатки и выстроиться вдоль стены.

Синяя маска делала его лицо бесстрастным, но рука, которой он расставлял деревянные колышки, двигалась тяжело. Один палец у него не сгибался. Вова заметил это, когда наставник привязал к первому колышку белую ленту зубами.

— Перемещение называется шагом, — сказал Иван. — Человек, который придумал это название, обладал скверным чувством юмора. Обычный шаг обходится дешевле. Увидеть место недостаточно: вы должны различать, за что там удерживается пространство. У камня это вес и трещина. У доски — жилы, направление волокон. Начинать будете с того, чего касались рукой.

В зале пахло олифой и вымытым полом. Под рубашкой тянула старая повязка: порез от крюка ещё не затянулся. Джен-

нифер осмотрела рану перед уроком и разрешила только короткое упражнение без рывков. Вова собирался соблюдать это условие. На одной стене висела металлическая сетка, напоминавшая рыболовную, только ячейки были квадратными и очень мелкими.

— Свинец? — спросил Женя.

Иван оглянулся.

— Да. Замкнутый контур задерживает переход. За сетку не прыгать, сеть не трогать. Там мой чулан, и мне не нужны помощники в поисках швабры.

Некоторые засмеялись. Вова не смеялся: он представлял, как исчезнет у стены и появится возле колышка. Если это получится, он сможет оказаться рядом с Аней быстрее любого человека. Не придётся просить, ждать, тревожиться за закрытой дверью.

Они ощупывали пол у белых ленточек, возвращались к стене и пытались вспомнить шероховатость доски. Иван подходил к каждому, менял положение пальцев, заставлял разжимать челюсти. Полчаса ничего не происходило. У Вовы затекла шея. Его раздражало, что Вильям уже переместился на два шага и теперь сидел на скамье, с важным видом потягивая воду.

— Не представляй себя там, — сказал Иван, остановившись возле Вовы. — Ты слишком занят собой. Вспомни сучок под большим пальцем.

Вова вспомнил сучок. Тёмный овал, тёплый от его ладо-

ни. Острые края трещинки. Он попытался подцепить ощущение, и вдруг зал дёрнулся, словно кто-то выдернул из него кусок времени.

Колышек оказался у колена.

Вова охнул от восторга и немедленно попытался вернуться. Мир на секунду побелел. Он ударился плечом об пол, услышал грохот скамьи и чей-то испуганный возглас.

Когда зрение вернулось, Иван сидел рядом на корточках и держал его подбородок, не давая повернуть голову.

— Можешь говорить?

— Да. Я...

Его вырвало. Иван успел подставить жестяное ведро. Радость исчезла так быстро, будто её никогда и не было. Вова попытался сесть, но руки скользили по доскам. Под правой лопаткой будто лежал кусок раскалённого железа.

— Пауза, — сказал наставник остальным. — Ещё раз. Между шагами нужна пауза. Тот, кто считает это просьбой, сегодня больше не занимается.

Вова услышал, как кто-то шепнул: «Городской». Он хотел посмотреть, кто это, но на поворот головы не хватило сил.

Дженнифер пришла без спешки и потому показалась ему сердитой. Красная маска у неё была сдвинута выше, на лоб; под глазами лежали тёмные круги. Она спросила, когда он в последний раз ел, сколько выпил воды и умеет ли считать собственный пульс. Потом позволила Ане войти.

— Он умирает? — спросила сестра сразу.

— Нет. И не собирается. Сейчас у него сильное истощение, растяжение плеча и отличная возможность запомнить урок.

— Я могу помочь?

Дженнифер посмотрела на Анины руки. Та уже протягивала их к брату.

— Сначала спроси его. И помни: если тебе станет плохо, у меня окажутся два пациента.

Вова едва заметно мотнул головой. Ему было стыдно, что сестра увидела его на полу.

— Не надо.

Аня опустила руки, но не ушла. Она принесла его кружку и сидела рядом, пока он пил короткими глотками. Вода казалась солёной. Под конец он обнаружил, что не может удерживать кружку сам, и позволил ей поднести край к губам.

* * *

Вечером Иван пришёл в лазарет с тетрадью. Вова заранее приготовился выслушать, что слишком слаб для школы.

Вместо этого наставник положил перед ним лист. На нём были нарисованы две точки, маленький круг и стрелка.

— Это твой сегодняшний переход. Восемь шагов туда, меньше половины обратно. Отметь, что ел перед занятием.

Вова долго вспоминал кашу. В неё добавляли сушёные груши, он выловил их и отдал Ане, потому что у неё в тарелке оказалось мало. Потом стал записывать время и понял, что с завтрака прошло больше пяти часов.

— Мы не делаем силу из пустоты, — сказал Иван. — На первых занятиях тело не умеет вовремя остановить расход. Перчатка облегчает связь, но не наполняет тебя взамен. Если учишься голодным, платишь мышцами. Иногда сердцем.

Он говорил спокойно, и от этого Вова стало страшнее.

— А вы можете далеко?

— Двадцать семь моих шагов. Дальше однажды попытался. С тех пор не сгибается палец.

Иван положил руку на стол. Негнувшийся палец лежал ровно, слишком ровно среди остальных.

— Отметь ещё, о чём ты думал перед вторым переходом.

Вова опустил глаза. Написать «хотел, чтобы все увидели» было почти невозможно. Он вывел: «Не хотел оставаться в середине».

Иван прочёл и ничего не исправил.

— Завтра прогулка, еда, сон. Послезавтра начнём заново. Если плечо позволит.

После его ухода Вова долго разглядывал лист. До сих пор всё необычное в этом мире подчинялось его надежде: птица могла выбрать его, дверь открывалась в горы, незнакомые люди давали кровать. Он почему-то решил, что теперь и собственное тело станет выполнять желания без споров. А оно лежало под колючим одеялом, болело и хотело спать.

За окном звенел колокол на мосту. Ветер раскачивал его почти без остановки, но слышно было только сильные удары. Между ними шумела вода.

Вова подтянул одеяло здоровой рукой. На прикроватном стуле лежали перчатки, и лев на манжете поблёскивал в свете лампы. Из подогнутого шва торчал крошечный красный кончик. Вова решил утром попросить иголку и заправить нить. Он привык чинить вещи прежде, чем за них придётся платить.

Глава 8 Страница под страницей

Историю преподавали в бывшем картографическом зале. На потолке ещё различались бледные созвездия, а посреди пола темнело пятно от снятого прибора. Новые парты поставили поверх старой розы ветров: северная стрелка исчезала под учительским столом, западная упиралась в печь.

Вова сидел так, чтобы не задевать спинкой больное плечо. На соседней скамье Женя лениво вертел перо, на самом деле следя за дверью. С утра ему передали сложенную вчетверо бумагу. Он прочитал её на лестнице, а теперь то и дело касался кармана.

Генри вёл урок сам. Чёрная маска, книги, ровный голос; на миг Вове стало трудно поверить, что этот человек способен удерживать между пальцами открытую дверь за шестьдесят вёрст.

— Кто знает, почему Сухая переправа называется сухой? Вильям поднял руку, прежде чем вопрос закончился.

— Потому что раньше там было русло, а потом наши защитники отвели реку, остановив вторжение Флоры.

— Хорошо. В каком году?

Вильям назвал дату. Генри записал её на доске, потом достал из папки другой лист, серый от времени.

— В отчёте мельника того же года написано: «Сиверь ушла в старую пойму после третьего весеннего разлива». Мельник жалуется на испорченный жернов и просит отменить сбор. Здесь нет ни слова о войсках. Что мы можем утверждать?

Молчание в классе стало неловким. Наконец Роджер сказал:

— Что мельник не хотел платить?

— Это мы можем предполагать. Утверждать можем, что река изменила русло и живший там человек считал причиной паводок.

С дальнего ряда подал голос светловолосый юноша. Вова видел его на занятии Ивана: аккуратный воротник, новые сапоги, слишком уверенная привычка откидываться, когда говорит взрослый.

— Мельнику не обязаны были сообщать о военном решении.

— Верно, Калин. И потому одного листа недостаточно.

Генри разложил на столе три документа. Приказ о передвижении войск был датирован неделей позже, запись в летописи — через тридцать лет. В летописи паводок превратился в подвиг мага, а число погибших у переправы выросло почти втрое. Вова переписывал даты и чувствовал знакомое раздражение: ведь кто-то здесь точно знал правильный

ответ. Зачем заставлять их гадать?

— А на самом деле? — спросил он.

— На самом деле вода ушла, — ответил Генри. — Люди, стоявшие на берегах, использовали это по-разному. Всё остальное придётся устанавливать.

— В учебнике написано «предательство флорских садовников».

— Написано.

Учитель не стал переворачивать страницу. Калин усмехнулся; Вове показалось, что это предназначалось ему.

— Садовники тоже люди? — спросила Аня.

Теперь на неё посмотрели все. В городе они слышали о Флоре достаточно, чтобы воображать то лесные лица, то людей с корнями вместо ног. Только никто не отвечал одинаково.

— Да. Среди жителей Флоры есть те, кто никогда не работал с растениями. Там пекут хлеб, строят дома, ругаются из-за цен на масло. И растут леса, с которыми договариваются. Как у нас договариваются с разумными зверями.

— Их король живёт сто лет, — сказал Калин. — И всё это время нас убивает.

— Война длится с перерывами. И за её продолжение отвечают люди по обе стороны границы.

— Мой отец говорит, что такие слова разбивают верность. Генри отложил мел.

— Твой отец служит в управлении поставок. Он знает раз-

ницу между испорченным зерном и неприятной записью об испорченном зерне. Голод вызывает первое.

Калин выпрямился. Урок продолжался, но в его тишине появилось что-то жёсткое.

Они говорили о двух королях, о Дмитриии Первом, который унаследовал столицу и непогашенные военные долги, об Александре Четвёртом, чьи портреты за десятилетия почти не изменились. Генри велел найти в хронологии первый год его правления. В школьной книге стояла дата столетней давности. Перед ней оставалось чистое поле. Вова провёл пальцем по гладкой бумаге и вспомнил Катину монету.

— А до него кто правил Флорой?

— Совет садов и прежняя династия, — сказал Генри. — В вашем издании есть приложение.

Вова открыл приложение. Страницы с нужным номером не было. Вместо неё был аккуратно вклеен лист о торговых пошлинах.

Генри подошёл, посмотрел на корешок и медленно закрыл книгу.

— Возьмёшь другое издание в библиотеке.

Его голос не изменился. Однако учебник он забрал с собой.

* * *

В первый свободный день Вова попытался устроиться работать на кухню. Он выбрал утро, когда учеников ещё не пускали в столовую, и представился женщине в сером передни-

ке, которая проверяла корзины у чёрного входа.

Изабелла была ниже Кати и гораздо шире в плечах. У неё были короткие седые волосы и небольшие круглые очки, привязанные шнурком. Выслушав Вову, она сняла очки и посмотрела на его перевязь.

— Котлы с таким плечом таскать не будешь.

— Я могу чистить картошку.

— Можешь. По графику, вместе с остальными. Сегодня твоя очередь?

— Нет, но...

— Значит, иди завтракать.

Он остался на пороге. Изабелла переставила корзину, потянула пояс передника. На ней не было маски, и Вова вдруг понял, насколько привык разговаривать с закрытыми лицами.

— Чего ты хочешь за эту картошку? — спросила она.

— Ничего.

— Это очень высокая плата. За неё я потом должна буду угадывать, когда тебе плохо, чего тебе не хватает и почему ты молчишь за столом.

Вова покраснел. Изабелла выждала, затем дала ему небольшую миску с горохом.

— Перебери. Сидя. Через полчаса придёт смена, она тебя заменит. Если любишь порядок, вот работа, в которой он нужен.

Сидеть в кухне оказалось приятно. Там никто не говорил

о предназначении. Две старшие ученицы спорили о замоченной крупе, мальчик в кожаном фартуке правил ножи. На стене висели дощечки с названиями корпусов и числом едоков. Изабелла переставляла их, вычитая больных, добавляя приежжих, и отметила углём три лишних места.

— Для кого? — спросил Вова.

— Письмо с пограничья. Привезут учеников из закрытой школы. Если задержатся, поедят дежурные.

У двери стояли ящики с надписью «Кожевенное ведомство. Белоречье». Вова узнал эмблему на свинцовой пломбе: такой же изломанный венчик был отпечатан на квитанции, которую им выдали после встречи Марты с фениксом. Он наклонился, чтобы рассмотреть.

— Ничего себе, — сказал он. — Это всё перчатки?

— Подкладки. И ремни к учебным амулетам. За этот месяц вдвое больше, чем просили.

— Зачем?

— Вот и я спрашиваю. Еда дорожает, зато кожевенное ведомство щедрое. Не трогай пломбу, я ещё не приняла поставку.

Вова убрал руку. Изабелла открыла накладную, прижала лист сахарницей и принялась сверять числа. На одном ящике чернила были свежие, на другом штамп размазали мокрой тряпкой. Эти мелочи сами по себе ничего не значили. Он знал это после урока Генри. И всё же запомнил.

Когда он вернулся в комнату, Женя сидел на полу у сун-

дука и перевязывал сапог. Шнурок порвался, конец он отрезал маленьким ножом.

— Ты писал домой? — спросил Вова.

— Кому?

— Я видел письмо.

Женя поднял голову. На миг выражение его лица стало совсем чужим, словно Вова открыл дверь в занятую комнату.

— Старому знакомому. Он мне должен.

— Деньги?

— Бывает, что не только деньги.

Вова хотел рассказать о пломбах, но передумал. От Жени пахло мокрым камнем: тот, должно быть, опять выходил к воротам. На подоконнике стояла чашка давно остывшего чая, и Вова придвинул её к нему.

— Смотри, в супе сегодня мясо.

— Тогда надо идти, пока Вильям не съел и моё.

Они отправились вместе. В коридоре Женя спустился на полступени ниже и опёрся пальцами о стену. Вова решил, что у него всё ещё болит щиколотка после перехода.

* * *

Через три дня Иван разрешил Вова снова надеть перчатки. Теперь занятия начинались со стакана воды и записи времени завтрака. Вова ворчал про себя, но выполнял. Он научился различать момент, когда пол под белой ленточкой становился ощутимым даже на расстоянии. Это длилось секунду, не больше. Если упускал секунду, приходилось ждать

заново.

Калин перемещался лучше всех. Его якоря стояли у противоположного конца зала, на расстоянии двадцати шагов. Он выходил из перехода почти бесшумно, только пряжка на поясе звякала. Роджер рассказал, что Калин занимался с домашним наставником с десяти лет.

— Поэтому ему всё легко, — сказал Вова.

— Не всё, — возразил Роджер. — На первом курсе он два месяца не мог ледяную плёнку удержать. Я ему воду подносил.

Вова не ответил. Ему не нравилось, когда человека, уже назначенного противником, делали сложнее.

Под конец занятия Иван положил на стол по два сухих прутика. Нужно было передать тепло из одного в другой так, чтобы первый покрылся инеем, а второй только нагрелся. Вова держал ладони над деревом, сжав пальцы в перчатках. Красный стежок у манжеты зудел. Он почувствовал, как тепло двинулось от груди к рукам, но до прутиков дошла лишь слабая доля; остальное словно утекло вниз, сквозь запястья.

— У меня пропадает, — сказал он.

Иван посмотрел на прутья.

— Пока не удерживаешь направление.

— Я чувствую, что оно уходит.

Наставник снял перчатку, вывернул манжету, провёл ногтем вдоль шва. На его лице ничего не было видно, но Вова заметил, что он перестал дышать носом.

— Возьми другую пару из шкафа.

— Это неисправная?

— Я проверю.

Вова взял другую. В ней прутик нагрелся почти сразу. От неожиданности он уронил его на стол.

— Прости, — сказал Иван.

Вова сперва решил, что ослышался. Наставник уже убрал первую перчатку в свой ящик и повернулся к следующему ученику.

После урока Генри и Иван стояли у окна картографического зала. Дверь была приоткрыта. Вова не собирался слушать, но услышал слово «подкладки» и замедлил шаг.

— По прежнему образцу, — говорил Иван. — Только раньше шов был снаружи. Это не ошибка кожевника.

— Я знаю, чей приказ, — ответил Генри.

— Тогда зачем ты его принял?

На несколько мгновений стало так тихо, что Вова услышал скрип собственного ботинка. Он поспешил дальше. Внизу с лестницы поднималась Аня с Дженнифер; обе несли свёрнутые простыни.

— Ты опять бледный, — сказала сестра.

— Я всегда такой.

— Ты всегда так говоришь.

Вова взял у неё верхний свёрток. Ткань была тяжёлая, ещё влажная после стирки. Они понесли простыни в лазарет. Ему хотелось, чтобы Аня продолжала спрашивать, но он сам не

мог подобрать вопроса, с которого следовало начать.

* * *

В библиотеке он нашёл старое издание истории на нижней полке, между переплётами, испорченными сыростью. Вклейка с приложением была на месте, но о начале правления Александра говорилось всего полстраницы. «Утверждён после восстановления». Вова перечитал строку. Восстановления чего? Столицы? Династии? Ответа не было.

Рядом, на полях, кто-то давно написал тонким выцветшим почерком: «Четвёртый — не номер в роду». Следующий читатель соскоблил продолжение, оставив в бумаге светлый след.

Вова поднёс страницу к окну. В рыхлых волокнах проступали вмятины от пера. Они напоминали залеченный шрам: видно, что здесь что-то было, но прочесть невозможно.

— Эту книгу выдают только в зале.

Он обернулся. Библиотекарь, маленькая женщина с совершенно прямой спиной, стояла у его плеча.

— Я и не собирался брать.

Она перевела взгляд на страницу и тихо сказала:

— Тогда не держи её против света у самого окна. Со двора хорошо видно.

Вова опустил книгу. На улице ходили люди: садовник, двое учеников, посыльный в плаще с гербом короны. Невозможно было понять, кого она имела в виду.

Библиотекарь поправила стопку чистой бумаги.

— Записывай номер страницы, если хочешь задать вопрос Марковскому. Сами книги до окончания проверки остаются здесь.

— Какой проверки?

Она не ответила. Вова выписал строку про восстановление, дату и три буквы с почти стёртой печати на форзаце. Он чувствовал себя нелепо: ученик, который вместо домашнего задания ищет тайну в плохо составленном учебнике. Но лист спрятал во внутренний карман.

Когда он вышел из зала, со стороны старой башни донёсся глухой удар. Затем ещё один. Будто кто-то очень сильный и очень терпеливый стучал изнутри в закрытую дверь.

Глава 9 Тот, кто выбрал имя

Старую башню использовали как кладовую для вещей, которым не находилось места в обычных шкафах. Здесь хранили разряженные амулеты, сетки для перевозки магических зверей и каменные чаши с едкой жидкостью, возле которых висели дощечки: «Не нагревать». Вова никогда не видел, чтобы сюда заходили ученики. На двери был замок размером с кулак.

Теперь замок висел открытым. У порога стояла Изабелла с ящиком сырых опилок, а Генри держал обе ладони возле большого овального предмета, покрытого тёмными пятнами. Из трещины на боку шёл пар.

— Отойди, — сказал учитель, не оборачиваясь.

Вова остался у двери.

— Что случилось?

— Сейчас узнаем.

Изнутри донёсся скрежет. Предмет качнулся, и Вова понял, что перед ним яйцо. Выше его колена, с толстой скорлупой, похожей на обожжённый кирпич. На основании белела полоска бумаги с ведомственным номером. Кто-то приклеил её поверх естественного рисунка.

— Почему оно здесь?

— Его нашли в конфискованном грузе, — сказал Генри.

— Нам сообщили, что нежизнеспособно. Я должен был проверить сам.

Скорлупа треснула от вершины к середине. Генри быстро отвёл руки. Кусок размером с тарелку выпал на камень, из пролома показалась мокрая лапа с четырьмя пальцами, затем — узкая голова. Существо открыло рот. Крик, которого ждал Вова, не прозвучал. Вместо него что-то коснулось уха изнутри, как когда слышишь имя во сне.

«Холодно».

— Одеяло, — сказал Вова.

— Есть, — ответила Изабелла.

Она сняла с плеч шерстяной платок, но Генри покачал головой.

— Волокна забьются под чешую. Лучше опилки и сухой камень.

Дракон вылезал медленно, цепляясь за край скорлупы. Сложенные крылья дрожали, кожа между тонкими рёбрами

казалась прозрачной. Чешуя на спине была цвета медного котла; по мокрым бокам пробегали более тёмные полосы. Он повалился набок, попытался встать и ударил хвостом по ведомственной бирке.

Вова шагнул вперёд. Генри преградил ему дорогу.

— Не прикасайся без разрешения.

— Он только что родился.

— Да. И всё равно способен тебе ответить.

Вова присел на корточки. Дракон смотрел то на него, то на открытую дверь. В его глазах отражалась лампа, жёлтая точка в глубокой коричневой радужке.

— Можно я помогу тебе встать?

Он сам почувствовал глупость вопроса: дракон не знал слов, а в голове у него только что возникло чужое ощущение. Но маленькая лапа вытянулась навстречу и легла на его пальцы.

Кожа была сухой и неожиданно тёплой. Вова подхватил существо под грудь и помог перенести вес на задние лапы. Оно выпрямилось, ткнулось носом в опилки, фыркнуло и чихнуло. Над камнями вспыхнул короткий язычок огня. Изабелла без суеты прикрыла ящик крышкой.

— Вот теперь понятно, зачем понадобились именно сырые.

В дверях появилась Аня. За ней теснились Женя и Вильям. Генри поднял руку, останавливая их, но дракон уже повернул голову. Вова услышал сразу много звуков: воду в

ущелье, скрип колеса, тяжёлое дыхание Изабеллы. Они сплелись в беспокойную, почти осмысленную мелодию.

«Слишком много».

— Нужно тише, — сказал он. — Ему слишком громко. Генри замер.

— Ты его слышишь?

— А вы нет?

Учитель прикрыл дверь перед учениками. Аня успела проскользнуть внутрь. Она не подошла, а села на пол у стены и осталась неподвижной. Звуки стали постепенно разделяться. Вода снова была водой. Вова заметил, как дракон перестал сжимать пальцы на его руке.

— Я слышу отголосок, — сказал Генри. — До этого не слышал и его. Драконы не разговаривают с каждым, кто оказался поблизости.

— Он не разговаривает. Просто... получается понятно.

Существо вытянуло шею к лампе. Теперь ощущение было совсем простым: голод. Изабелла вышла и вернулась с миской мелко нарезанного мяса. Дракон сначала обнюхал пищу, потом схватил кусок и так усердно зажевал, что забыл держать равновесие. Вова опять поддержал его.

— Маленький огонёк, — прошептал он.

Дракон остановился. На лапе у него потемнели когти, слух Вовы снова затопило горячее внимание.

«Огонёк?»

— Так можно назвать. Если тебе нравится.

Он не сразу понял ответ. Тепло в ладони стало сильнее; дракон коснулся его запястья лбом, затем отвернулся и доел мясо. Только позже, когда они переносили его на подогретую каменную плиту, Вова услышал совершенно отчётливо:

«Огонёк. Я».

* * *

К вечеру над школой прошла первая тень.

Оконные стёкла потемнели сразу во всём коридоре. Кто-то закричал во дворе, колокол ударил три раза подряд. Вова подбежал к окну и увидел крыло, закрывшее полнеба. По краю перепонки ветер гнал серебристую рябь. Дракон разворачивался над башней, далеко вытянув хвост; за ним шёл второй, красноватый, с обломанным рогом.

Огонёк проснулся. До того он несколько часов дремал, обняв хвостом подложенный валик. Теперь он соскользнул с плиты и упрямо пошёл к двери, оставляя на пыльном полу мелкие следы.

— Постой, — сказал Вова.

Маленький дракон остановился, но в его глазах появилось нетерпение. Откуда-то сверху пришёл низкий звук. В груди у Вовы задрожало, как от близкого грома.

За дверью уже бегали. Иван приказывал увести учеников с мостов, закрыть кухонный двор и не пытаться обороняться. Последнее он повторил дважды. Вова увидел в окне человека с арбалетом; Иван заставил его опустить оружие.

Генри вошёл с мокрым от ветра плащом на руке.

— Они требуют яйцо. Я объяснил, что скорлупа уже раскрылась. Оба хотят видеть детёныша.

— Это его родители?

— Я не знаю. Они называют себя хранителями кладки. У драконов родство устроено сложнее нашего.

Огонёк скрёб когтями камень. Вова почувствовал, как тот тянется к большому голосу. Генри опустился перед ним на одно колено и спросил, хочет ли он выйти. Вова собирался ответить за него, но прикусил язык.

«Да».

Огонёк посмотрел на Вову. Теперь ощущение стало другим: возле чужого сильного голоса ему требовалось знакомое присутствие.

— Я пойду, — сказал Вова.

На площадке у башни стоял ветер. Первый дракон опустился на край скалы, где камни сразу пошли мелкими трещинами. Второй удерживался в воздухе, работая крыльями так медленно, будто толкал тяжёлые ворота. Они были огромны. Вова едва различал всё тело первого, когда смотрел ему в глаза.

Генри положил перед собой ведомственную бирку, остатки скорлупы и опись конфискованного груза.

— Я принял яйцо на хранение, — сказал он громко. — Утверждалось, что оно погибло. Это ложное утверждение. Я отвечаю за то, что не проверил его сразу.

Скала отозвалась гулом. Вова услышал слова лишь пото-

му, что Огонёк, тесно прижавшийся к его ноге, повторял их внутри связи.

«Яйцо увезли люди с вашими знаками. Наш голос заглушили металлом. Три кладки остались без охраны, когда мы пошли по следу».

— Мы дадим все сведения о перевозчиках, — сказал Генри. — И больше не будем держать здесь предметы вашей кладки без вашего согласия.

Дракон наклонил голову. От его дыхания у Вовы высохли губы.

«Вы говорите это после того, как вас нашли».

Генри не отвёл глаз.

— Да.

Вова вдруг испугался за него. Одно движение этой огромной головы — и учителя не станет. Магия, которую он видел в школе, была маленькой рядом с тяжестью когтей на скале.

Огонёк подался вперёд. Его хвост оставил Вовину ногу. Он издал тонкий звук, которого почти не было слышно на ветру, и взрослый дракон отстранился. Связь дрогнула. Вова увидел куски чужого восприятия: тёплый камень, множество неподвижных яиц, чья-то широкая грудь, перекрывающая холод. Он отшатнулся, и всё исчезло.

«Он слышит гнездо, — пришёл перевод Огонька. — Хочет посмотреть другие голоса. Хочет здесь».

— Можно остаться? — спросил Вова, сам не понимая, к кому обращается.

Взрослый дракон долго молчал. Второй наконец опустил-ся на соседний уступ, и это решение, кажется, было связано с тем, что ему тоже приходилось тратить силы.

«Наши детёныши не вещи. Мы зовём их. Они возвраща-ются, когда готовы. Но ваша каменная нора держит чужую сеть. Она неприятна ему».

Генри посмотрел на башню. В её основании, между дву-мя плитами, поблёскивала металлическая полоска. Вова за-метил, как учитель прикрыл эту полоску плащом, словно от ветра.

— Я устрою ему место вне нижнего контура. И выход бу-дет открыт.

«Мы вернёмся. Если он позовёт — раньше».

Взрослые драконы улетели только после того, как Огонёк сам отошёл от них. Их тени поднялись по склону, потеря-лись в облаках. На площадке остались горячие следы когтей и сдвинутая каменная плита. Генри поднял ведомственную бирку двумя пальцами.

— Никто не станет пробовать подчинить его, — сказал он, глядя на Ивана и стоявшего за ним школьного зрителя. — Приказы, которые противоречат этому, передаёте прямо мне.

Огонёк зевнул. Долгий разговор истощил его сильнее, чем вылупление. Вова присел рядом, предлагая руку, и дракон, немного подумав, позволил донести себя до двери.

* * *

Для него освободили бывшую сушильную, с окном на юг и низкой дверью во двор. Внутри поставили миски, каменную лежанку и таз с песком. Изабелла повесила на дверь ведомость кормления, а Аня подписала внизу: «Сначала спросить, хочет ли».

Первые дни Огонёк спал гораздо больше, чем бодрствовал. Вова ждал, что связь позволит разговаривать без конца, однако после трёх-четырёх обращений у дракона мутнели глаза, а у самого Вовы начиналась головная боль. Генри запретил превращать сушильную в место паломничества. Заинтересованным ученикам пришлось довольствоваться тем, что Огонёк иногда выходил во двор и сердито разглядывал воробьёв.

— Он может нас научить? — спросил Вова однажды.

— Нас? — уточнила Аня.

Она сидела у стены, штопая рукав. Дженнифер показала ей шов, который не натирал кожу, и теперь Аня чинила старую лазаретную одежду, потому что хотела попробовать. Вова видел разницу между этим и собственными походами на кухню, но признаться себе пока не мог.

— Слышать то, что слышит он.

Огонёк приоткрыл один глаз.

«Ты слышишь воду?»

— Да.

«Вот».

Дракон снова уснул. Аня тихо засмеялась.

— Отличный учитель. Краткий.

Вова улыбнулся, потом всё-таки прислушался. За стеной крутилась мельница, и в шуме можно было различить отдельные удары лопастей. Раньше он слышал одну ровную тяжёлую ноту. Теперь у каждой лопасти был свой звук: одна цепляла камень, другая шла мягче. Магии в этом не оказалось. Требовалось просто посидеть достаточно долго.

Вечером Женя принёс Огоньку плоский речной камень. Никакого толка от него, по словам Жени, быть не могло, но дракон немедленно оттащил подарок к лежанке и положил под подбородок.

— Ему нравится, — сказал Вова.

— Я вижу.

Женя задержался в дверях. Он смотрел на дракона с выражением, которое Вова не мог прочесть.

— Если бы мог, ты бы приказал ему остаться? — спросил он.

— Зачем приказывать? Он сам решил.

— Сейчас. А потом?

Вова пожал плечами, хотя от вопроса стало неприятно.

— Ты что-то хочешь сказать?

— Нет. Просто спросил.

Через неделю у двери сушильни появился первый чужой знак. Три узких царапины на камне, похожие на след когтей. Огонёк долго обнюхивал их, затем лёг рядом и провёл лапой по порогу, оставив четвёртую. Генри сказал, что хранители

гнезда приходили ночью. Никто из караульных не заметил их.

Вова представил, как огромные драконы тихо стоят за школьной стеной и слушают дыхание детёныша. Впервые с их появления ему стало спокойно. Было в мире что-то большое, что могло приблизиться, не ломая дверей.

Глава 10 Право остановиться

О школьном состязании объявили в конце второй недели. На двери столовой вывесили список дисциплин: удержание тепла, короткий шаг, работа в паре, учебный бой. Внизу Иван собственноручно приписал: «За отказ от участия наказания нет. За продолжение после сигнала остановки — отстранение».

Вова записался на всё.

Аня прочитала его имя четыре раза и молча подняла брови. Тогда он вычеркнул удержание тепла: пока у него получалось нагреть чашку и остудить собственные пальцы, причём второе гораздо сильнее первого.

— Зачем тебе бой? — спросила она.

— Надо уметь себя защищать.

— На занятиях нельзя научиться?

— Можно.

Он ждал, что она продолжит. Аня только обмакнула перо и записалась на работу в паре с Роджером. Вова почувствовал лёгкую обиду: сестра не выбрала его. Потом вспомнил, как во время последнего упражнения он всё время говорил

ей, куда встать и когда двигаться. Роджер так не делал. Он вообще редко говорил, пока его не спрашивали.

Бой преподавали деревянными мечами, тяжёлыми у рукояти и обтянутыми кожей по кромке. Первую неделю Вова думал только о клинке, который летит к нему. Иван заставлял смотреть на грудь противника и замечать перемещение веса. От этого удары не переставали попадать по нему, но он хотя бы понимал причину.

Калин тренировался на соседней площадке. Вова ловил себя на том, что подражает его стойке: левая стопа чуть наружу, локоть ниже, рукоять свободно лежит между пальцами. Один раз Калин заметил и демонстративно отвернулся.

— У него хорошая школа, — сказал Иван. — Смотри, если тебе помогает. Только не забывай, что ноги у тебя длиннее, а опыта меньше.

На третьей тренировке они попробовали огонь.

Для этого использовали короткие металлические клинки без острия. Их не давали для поединков: следовало подвести тепло к жёлобу, удержать на нём и снять по команде. Вова заранее представил пылающий меч, красивый и послушный, но получил красное пятно на большом пальце. Металл провёл жар в рукоять быстрее, чем он ожидал.

— Откуда берёшь? — спросил Иван.

— Из руки.

— В этом и беда. Рука слишком близко. Найди источник в воздухе, в камне. Ты переносишь тепло. Запястье служит

мостом, а не пленницей.

Вова попробовал снова. Каменная плитка под клинком потемнела от инея; на жёлобе задрожала слабая синяя полоска. Он обрадовался и сжал рукоять крепче. Пламя тут же погасло.

— Отдохни, — сказал Иван.

— Ещё один раз.

— У тебя дрожит колено.

Вова посмотрел вниз. Колено в самом деле дрожало, хотя он почти не чувствовал ног.

На скамье сидел Калинин, как всегда безупречно собранный. На его клинке огонь получался жёлтым и широким. Вова не мог понять, почему наставник разрешает одному столько силы и не даёт другому ещё попытку.

Вечером он остался на площадке. С металлическими клинками шкаф закрыли, но можно было работать с деревянным, снова и снова повторяя движение. Сначала это успокаивало. Потом плечо начало ныть, рубашка прилипла к спине, а он всё ещё не мог остановиться. В темноте собственные ошибки казались особенно заметными.

Изабелла нашла его, когда пришла проверить, закрыта ли сушильня.

— Долго собираешься?

— Пока не получится.

— Тогда опоздаешь к ужину на несколько лет.

Он ударил ещё раз, резко, слишком широко. Меч вы-

скользнул и стукнулся о стойку.

Изабелла подняла его, отряхнула и поставила у стены.

— Есть вещи, которым учатся только на следующий день. Сегодняшний человек уже устал.

Она не велела ему уходить, просто зашагала к столовой. Вова постоял, глядя на деревянную рукоять. Потом пошёл за ней.

* * *

В день состязания на галерее натянули парусину, чтобы ветер не уносил судейские листы. Внизу, на площадке, разместили круги. Ученики старшего курса расставляли скамьи и спорили о ставках, пока Генри не подошёл достаточно близко, чтобы они разом заговорили о погоде.

Огонёк устроился у солнечной стены. За две недели он заметно прибавил в длине, но крылья всё ещё не держали вес. Он прыгал с низкого камня, хлопал ими, раздражался и повторял. Вова однажды хотел подхватить его перед падением, однако дракон сердито оттолкнул руку. Теперь все сохраняли почтительное расстояние от его упражнений.

Первое испытание Вова проиграл. Нужно было сделать три коротких шага по известным отметкам, выдержав паузы. На последней он оказался на полстопы в стороне и задел внешнюю черту. Судья снял очко. Калин выполнил точно.

В работе в паре Вове достался Вильям. Они должны были перенести через полосу препятствий керамическую чашу, наполненную водой, ни разу не оторвав от неё рук. Вильям

говорил без остановки, перебирая варианты, и Вова сначала злился. Потом заметил, что от частых слов сам меньше торопится. Они дошли до конца, потеряв лишь несколько капель.

Аня и Роджер прошли быстрее. На середине пути Роджер подвернул ногу; Аня остановила его, хотя часы продолжали отсчитывать время. Они поменялись местами и выбрали более длинную тропу. Дженнифер отметила их результат особой чертой.

— За что? — спросил Вова, когда сестра вернулась к скамьям.

— За то, что не уронили человека ради чашки.

Она улыбнулась, но он понял, что это не шутка.

Перед боем Иван проверил каждую застёжку. Защитная куртка пахла кожей и старым потом. Вова никак не мог продеть ремень через пряжку: пальцы стали непослушными. Калин стоял напротив и смотрел вверх него на судейский стол.

— До трёх отмеченных касаний, — сказал Иван. — Голова, горло и кисти закрыты. Никаких шагов во время атаки. Огня на деревянном оружии нет. Заболело — поднимаешь свободную руку. Вопросы?

Вова покачал головой. Калин сказал:

— Надеюсь, для новых учеников правила те же.

— Одинаковые для всех, — ответил Иван. — Поэтому ты тоже поднимешь руку, если понадобится.

Первое касание случилось почти сразу. Калин показал движение к правому боку, Вова дёрнулся, и деревянная

кромка ткнула его под левое ребро. Он выдохнул сквозь зубы.

Второй раз вышло хуже. Калин не атаковал, только вынул его пятиться. Вова искал удар и не заметил, как пятка попала на влажное пятно. Он скользнул, раскрылся, получил по плечу и с трудом удержался на ногах.

С площадки донёсся Вильямов голос, затем Иван приказал зрителям молчать.

Оставалось одно касание. Всё должно было закончиться за следующую минуту. Вова уже представил, как снимет куртку, выслушает вежливое утешение и уйдёт в комнату. В голове всплыл отец: у кухонного стола, перед последним разговором, с пустой кружкой в руке. Вова стиснул зубы так, что заболела челюсть.

— Дыши, — сказал Иван.

Мальчик вдохнул. Посмотрел на грудь Калина, на его стопы. Тот всегда переступал правой ногой перед ложным выпадом. Два раза подряд сделал именно так. Может быть, и в третий...

Калин переступил. Вова не бросился навстречу. Он дождался движения плеча, отступил вбок и едва коснулся чужой куртки деревянным остриём.

Свисток.

На миг он не поверил, что очко его. Калин тоже замер, затем с досадой потёр бок. Вова почувствовал опасный прилив уверенности. Теперь хотелось немедленно повторить, сде-

лать красивее, убедительнее. Он шагнул вперёд и получил удар по защите, ещё не признанный касанием лишь потому, что Калин попал слишком высоко.

— Пауза, — сказал Иван. — Поправить воротник.

Он подошёл сам, подтянул ремень и тихо спросил:

— Ты здесь?

Вова кивнул.

— Тогда смотри на того, с кем стоишь.

Следующее касание он добыл долго. Калин был быстрее, сильнее в кисти и лучше видел дистанцию. Но он начал сердиться. Его обманы уже не были такими маленькими; он хотел, чтобы Вова испугался раньше удара. Вова отступал, терпел боль под рёбрами и считал вдохи. Когда противник снова затеял длинную атаку, он закрылся, дождался, пока меч скользнёт по его защите, и ткнул в оставленный открытым бок.

Два — два.

Теперь вокруг стало совсем тихо. Вова слышал, как свистит нос Калина. У него самого горели бёдра, пот стекал по виску под воротник. Он не был уверен, что выдержит ещё одну минуту.

Калин понял это и пошёл вперёд. Он теснил без хитростей, вынуждая принимать удары на клинок. Руки Вовы немели. За спиной приближалась черта, и тот бессмысленно подумал, что если заступит, будет по крайней мере не больно.

Он увидел ногу Калина на краю влажного пятна — того самого, на котором скользнул сам. Не успел придумать приёма, только чуть изменил направление своего отступления. Противнику пришлось поворачивать. Каблуки ушли в сторону, Калин качнулся и открыл грудь.

Вова мог ударить сильно. Рука сама приготовилась вложить весь остаток сил. Он задержал её и сделал короткое касание.

Свисток прозвучал раньше, чем он понял, что бой окончен.

Калин стоял, опустив меч. На его лице не было ни злобы, ни удивления, только тяжёлое недоверие. Потом он отдал оружие судье и ушёл, не дождавшись рукопожатия.

Вова сделал шаг вслед и остановился. Колени вдруг перестали держать. Иван поймал его за локоть, усадил на скамью и велел расстегнуть воротник.

— Победил, — сказал Вильям, подбежав с водой. — Ты видел? Ты сам видел?

Вова рассмеялся, потом закашлялся. Рёбра болели так сильно, что радость приходилось впускать в себя понемногу.

* * *

После обеда состоялся показ огня. Он не влиял на общий зачёт, но отказаться Вова уже не смог: слишком хотелось убедиться, что утренний бой был настоящим и он теперь чего-то стоит.

Иван уловил это желание. Прежде чем дать ему клинок,

заставил выпить воды и постоять в тени.

— Покажешь столько, сколько умеешь.

— Хорошо.

Вова положил пальцы на рукоять. Под ногами была каменная плитка, её он выбирал заранее, водил ладонью по шершавой поверхности, изучал нагретый солнцем край. Сила двинулась медленно. На металле появилась голубая полоска, узкая и неверная. Вова чувствовал, как вокруг большого пальца нарастает жар.

Он мог усилить, взять ещё из себя. Зрители ждали. Калин стоял у стены, сложив руки. Вова задержал дыхание, и пламя стало ярче.

Потом он увидел негнувшийся палец Ивана на краю судейского стола.

Он выдохнул, отпустил тепло и поднял свободную руку.

Огонь погас. Клинок остался цел, рука тоже. На плитке у ног расплывалось маленькое белое пятно инея.

— Достаточно, — сказал Иван.

Кто-то разочарованно зашуршал на скамьях. Вова пошёл сдать оружие, ожидая знакомой горечи от собственного отступления. Но горечь оказалась слабой, почти терпимой. Под рёбрами болело, на ладони начинала вздуться мозоль. Это были вполне определённые вещи, с которыми он мог жить до завтра.

К вечеру Генри выдал ему не медаль, а книжку с таблицами упражнений и правом самостоятельно заниматься в зале

под наблюдением старшего дежурного. Внутри лежал лист с результатами: короткий шаг — четвёртое место, работа в паре — третье, бой — первое, удержание огня — зачтено с добровольным прекращением.

— Я остановился слишком рано? — спросил Вова.

Генри посмотрел на него поверх листа.

— Это тебе ещё предстоит научиться понимать. Сегодня ты остановился до ожога. Начало хорошее.

Вечером Огонёк обнюхал его ладонь и принялся осторожно стаскивать зубами плохо приклеенный пластырь. Вова сначала отдёргнул руку, потом позволил поправить край. Дракон фыркнул и положил голову ему на колено.

«Было шумно», — сообщил он.

— Да. Ты тоже болел за меня?

Огонёк поднял голову.

«Ты болел. Я слышал».

Вова хотел объяснить разницу, но не стал. Он гладил тёплую чешую между рожками и слушал, как в соседней комнате Аня смеётся над чем-то, рассказанным Роджером. Она была занята своей жизнью, а он мог сидеть здесь ещё немного. На этот раз ему удалось не проверять, закрыта ли её дверь.

Глава 11 Разорванный шов

Наутро в его ботинках стояла вода.

Вова решил, что ночью потекла стена. Потом увидел, как далеко от окна придвинули обувь, и вылил воду в умываль-

ный таз. Стельки пахли мылом. Кто-то не просто намочил их, а аккуратно налил до краёв, прежде вынув шнурки.

Роджер посмотрел с соседней кровати.

— У меня есть запасные. Только будут велики.

— Высохнут.

— До обеда не успеют.

Вова всё равно обулся. Холодная вода выступила у пятки, носки мгновенно намокли. Он пошёл на завтрак, стараясь не хлюпать, и почти всю дорогу думал о том, кто будет смотреть ему на ноги.

Калин сидел с двумя старшими учениками. Он поднял глаза, улыбнулся одним краем рта и продолжил разговор. Ни Вове, ни кому-нибудь другому доказать было нечего.

За завтраком из его миски исчезла ложка. На занятии кто-то занял отмеченное место у стены и потом с удивлением сказал, что первый раз слышит о распределении. Между двумя упражнениями Вова нашёл в кармане бумажку: «Птица выбрала дурака». Почерк был печатный. Он скомкал её, положил обратно и весь день ощущал под пальцами острый бумажный комок.

Ане он не рассказал. Тем более не рассказал Жене: тот предложил бы что-нибудь сделать ночью, а тогда случившееся стало бы войной, где Вове требовалась чужая помощь.

Через три дня Калин перехватил его на лестнице из зала. Двое приятелей стояли выше, один ниже. Вова остановился, оставив между собой и Калином две ступени.

— На мокром полу тебе понравилось? — спросил тот.

— Спроси у судьи.

— Мне незачем. Все видели.

Калин стоял слишком близко к перилам. Вова невольно посмотрел вниз, в шахту лестницы. Четыре пролёта, камень, кадка с мёртвым лимонным деревом. Это сделало разговор серьёзнее всех прежних бумажек.

— Дай пройти.

— Здесь широкий проход.

Вова попытался протиснуться. Его толкнули плечом. Не сильно, ровно настолько, чтобы он ударился ребром ладони о стену. Кто-то сзади коротко засмеялся.

— Ты что, опять упал? — спросил Калин.

Вова ударил его.

Позже он много раз возвращался к этой секунде и никак не мог решить, когда именно понял, что сейчас сделает. Кулак попал в скулу, Калин отшатнулся, его приятель шагнул вперёд. Вова развернулся и увидел деревянную доску у чужой руки: здесь чинили ступени. Стало страшно, но останавливаться было поздно.

Калин не стал бить в ответ. Он дёрнул Вову за ворот, подвёл колено к бедру и толкнул на нижний пролёт. Тот успел схватиться за перила. Боль в плече вспыхнула до затылка. Кто-то наступил ему на пальцы.

— Хватит!

Голос Генри разнёсся по лестнице так, что все замерли.

Учитель не появился из воздуха: он поднимался снизу с книгами и теперь стоял у поворота. Одной рукой он держал Вову за пояс, хотя до того между ними оставалось несколько ступеней.

— Отойти от перил. Все.

Один из старших начал объяснять, что новичок сам набросился. Генри посмотрел на него, и тот договорил шёпотом.

— В кабинет. Отдельно. Вова — сначала в лазарет.

— Я не...

— В лазарет, — повторил учитель. — То, что ты ещё держишься, не означает, что рука цела.

* * *

Дженнифер обработала ссадины и не стала расспрашивать при остальных. Лишь когда Аня вышла за чистой повязкой, она села напротив.

— Я обязана записать, откуда повреждения.

— Упал на лестнице.

— От чьего толчка?

Вова посмотрел на дверь.

— Я ударил первым.

— Про удар тоже запишем. Рассказывай с того места, где началось.

У него не было ни одной убедительной жалобы. Вода в ботинках высохла. Бумажку он выбросил, ложку нашли под столом. Если сказать всё, получится, что он неделями следил

за чужими взглядами. Дженнифер ждала. На её руке виднелась полоска от тесного рукава, возле уха выбилась седая прядь. Она выглядела человеком, у которого есть время выслушать даже плохо составленный рассказ.

Вова начал с ботинок.

Потом оказалось, что Роджер видел больше. Вильям сохранил ещё две записки, подложенные между страницами Вовиной тетради. Девочка из прачечной вспомнила, кто брал ведро после отбоя. На каждую мелочь нашёлся свидетель, а все вместе они составили нечто такое, чего уже нельзя было назвать неудачной шуткой.

Генри вызвал их по одному. Вова сидел в кабинете последним и разглядывал сухую ветку в стакане: на ней проклюнулась маленькая зелёная почка. Из окна было видно, как Калинин меряет шагами двор.

— Ты получишь неделю отстранения от учебных боёв, — сказал Генри. — За удар. Это решение не отменяет того, что делали с тобой.

Вова кивнул. Ожидаемое наказание оказалось легче, чем право рассказать.

— Калинин отстранён на месяц, лишён права участвовать в следующем выезде и обязан возместить испорченные вещи. Ему запрещены занятия без наставника. Его товарищам назначены отдельные взыскания. Повторится — будет решаться вопрос об удалении из школы.

— Он скажет, что я пожаловался.

— Скажет. И тогда мы будем обсуждать его слова, а не то, заслужил ли ты защиту.

— Мне не нужна защита.

Генри устало потёр губу большим пальцем.

— На лестнице понадобилась. Мне тоже бывает нужна. Это не звание, которое получают навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.